

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 114, март 2024

ИДЕОЛОГИИ ВОЙНЫ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ПОРЯДКА

Грядущая война, третья мировая война у ворот, была мифом, связанным с идеологиями ялтинского раздела. Мы ведём борьбу с ним с начала 1950-х годов, когда стало ясно, что одного лозунга *“Ни Вашингтон, ни Москва”* недостаточно. Борьба с двумя блоками, с унитарным империализмом, который их объединял, с государственным капитализмом в СССР, выдаваемым за социализм, конечно, спасала интернационалистский принцип, но для революционной стратегии этого было недостаточно. Необходимо было противостоять и европейскому империализму, а не только американскому и российскому; *действительный раздел Ялты* в реальности скрывал фактический союз США и СССР, чтобы сохранить Европу разделённой.

Что касается войны, то Вашингтон тогда не был заинтересован в ней, да и необходимости в ней не было, поскольку Москва была гораздо слабее. Конечно, империалистическая борьба будет сопряжена с кризисами и частичными войнами по мере того, как капиталистическое развитие реанимирует старые побеждённые державы, Германию и Японию, и породит, особенно в Азии, новые державы. Но общий кризис и новая мировая война не вернутся в стратегическую повестку дня до тех пор, пока этот цикл развития не завершится, не появятся новые державы и не будет разрушен глобальный порядок *унитарного империализма*.

Что же тогда сказать о новых кампаниях по *возвращению войны* на политический горизонт держав и о тезисе, что *война между великими державами снова возможна*?

Однозначно, неправда, что война в глобальном масштабе возвращается просто потому, что она никогда не уходила. По оценкам лондонского Международного института стратегических исследований (IISS), в мире продолжается более 180 конфликтов разного рода и интенсивности. Нельзя сказать и то, что война в Европе – это новый факт: достаточно вспомнить конфликты, связанные с распадом Югославии тридцать лет назад. Верно, что *война на Украине* – это качественный скачок в противостоянии, в которое вовлечена Россия, крупная ядерная держава, а поддержка НАТО военных действий Киева превратила конфликт в *опосредованную войну* между державами Запада – Соединёнными Штатами и Европейским союзом – и Россией. Однако эта война имеет и свои специфические региональные измерения, сродни балканским конфликтам: это *гражданская война*, столкновение между украинским Западом и Востоком, и это возврат к *войнам распада СССР*, к серии столкнове-

ний, которые в 1989–1991 годах и позже сопровождали его распад.

В чём же тогда разница, почему мы выделяем *войну на Украине*, а также *войну в Газе* как *войны кризиса порядка*?

Разница заключается в *новой стратегической фазе*, открывшейся с наступлением нового века, и в состоянии глобального баланса сил, трансформированного и поколебленного неравномерным развитием. В отличие от Москвы времён *холодной войны*, чья слабость фактически поддерживалась Вашингтоном в неясном союзе *действительного раздела Ялты*, Пекин сегодня – эффективный соперник Соединённых Штатов, способный претендовать на пересмотр *старого порядка* и институтов, чьи договорённости восходят к концу второй мировой войны.

Это действительно *кризис порядка*. Исходя из этого, оценивая планы перевооружения Китая на период до 2035 года и анализируя прогнозы стратегических центров правящего класса, мы предположили два варианта развития событий: серия частичных конфликтов, связанных между собой и знаменующих годы *«беспрецедентной напряжённости»*, или вспышка большой войны между великими державами.

Стало привычным цитировать книгу Кристофера Кларка *“Сомнамбулы”*, чтобы вспомнить аналогию с 1914 годом и механизм, с помощью которого великие европейские державы оказались в войне как *нежелательный результат*, втянутые в конфликт своими мелкими державами – их клиентами. Не было обязательным, чтобы война разразилась в августе 1914 года. Но то, что *кризис порядка*, который развивался годами, должен был привести к его *слому*, было историческим фактом, невозможностью империализма поддерживать равновесие между державами. Несколько лет раньше или позже не имели бы никакого значения, но неравномерное развитие держав всё равно привело бы Германию и Америку, новые державы, к столкновению с Британской империей и против старого баланса, в котором соперничали Франция, Россия, Италия и Австро-Венгрия.

Первый аспект нашей стратегической гипотезы подтвердился: идут *войны кризиса порядка*. Хотя это ни в коем случае не исключает второго варианта развития событий – *слома порядка* в большой войне, – сегодня необходимо тщательно и научно точно оценить новые *идеологии войны*, выявить их политические цели и стратегические задачи.

В США, во-первых, возвращение к *грядущей войне* мотивирует антикитайскую линию, которая удерживает против Пекина узловой центр Тайваня и Южно-Китайского моря. Во-вторых, они намерены обуздать Европу, которая ока-

менела в *опосредованной войне* против России, но которую они также хотели бы втянуть в противостояние *блок против блока* против российско-китайской оси.

В Европе планируют парировать удар, лавируя между ветрами войны, чтобы получить определённую *стратегическую автономию* в рамках трансатлантического альянса, поскольку связь с США теперь менее определённа. Считается, что, перевооружив Украину, Евросоюз сможет перевооружиться сам.

В Китае, в то время как создаётся военная сила мирового масштаба, угроза *грядущей войны* используется в обратном направлении: утверждается, что именно для её предотвращения Пекин выступает за *новую многосторонность*, реформированный *новый порядок*, включающий новые развивающиеся держа-

вы *глобального Юга*, в условиях неспособности Америки поддерживать и адаптировать *старый порядок*.

Вооружение, таким образом, является общим фактором. В предварительном порядке, идеологии *возвращения войны* и признание того, что *война между великими державами* снова возможна, позволяют говорить с уверенностью о начале нового цикла военных расходов и намерении ориентировать политический цикл, бюджетные приоритеты и мифологии для масс в соответствии с новыми чертами мирового противостояния. Точка *слома порядка* ещё не достигнута. Но это начальный выстрел его кризиса.

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, февраль 2024 г.

Содержание

ИДЕОЛОГИИ ВОЙНЫ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ПОРЯДКА	стр. 1
Старые и новые державы в войнах кризиса порядка	стр. 2-3
Оружие промышленной политики	стр. 4
<i>Европейские хроники</i>	
Момент Шмидта в Берлине	стр. 5
Москва ставит перед собой вопрос после двух лет войны	стр. 6
<i>Российские хроники</i>	
Новое платье Кремля	стр. 7
Война и противоречивое развитие капитала	стр. 8
Испанское Соппротивление “предано” в 1945 году	стр. 9
<i>Гиганты Азии</i>	
Большой Залив Гуандуна требует от Пекина демократии для провинций	стр.10-11
Ракеты и коридоры в ребусе Газы и пакистанском кризисе	стр. 12
<i>Выборы в США</i>	
Коллеблющиеся штаты и независимые избиратели	стр. 13
<i>Борьба рабочих в мире</i>	
Забастовки в Бангладеш	стр. 14
Анемичное здравоохранение	стр. 15
Европа и бомба	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Испанский наблюдательный пункт

Европейские выборы в Мадриде	стр. I
Испания, пожирающая своих политических детей	стр. II
Евроатлантизм испанских партий проходит испытание	стр. III
Мучительное рождение нового правительства Санчеса	стр. IV

Старые и новые державы

(начало на стр. 1)

Из предисловия к готовящейся к выходу на итальянском языке книге Гuido Ла Барберы "Guerre della crisi dell'ordine".

Фёдор Лукьянов, президент СВОП, полуофициального Совета по внешней политике и обороне, редактор журнала "Россия в глобальной политике", комментирует открывшийся на земном шаре электоральный год, выдвигая гипотезу возможного успеха в странах Большой семёрки «популистских» партий и поражение правящих коалиций, чьи перспективы якобы ухудшаются. Внимание приковано в основном к Соединённым Штатам в связи с возможным возвращением Дональда Трампа, а также к европейским выборам; противостояние будет происходить между «популистами» и «истеблишментом». По его мнению, существует «мировое большинство», которое считает, что Запад, «меньшинство», злоупотребляет своей властью. 2022 год стал переломным, потому что с интервенцией на Украине впервые был брошен прямой вызов глобальному меньшинству, находящемуся у власти. Не «мировым большинством», потому что Россия оказалась как бы в подвешенном состоянии, но «прецедент создан». В 2023 году можно было убедиться, что старые ограничения, старые «правила», на которых основывался глобальный порядок, прекращают действовать. 2024 год может стать «годом больших выборов», они пройдут в большинстве стран мира: «мировое большинство» и новое большинство «в странах меньшинства», то есть на Западе, «могут вступить в резонанс».

То, что кажется довольно безрасчётной политической авантюрой, становится понятнее, если обратиться к книге "Russland und der Westen" ("Россия и Запад"), рецензию на которую опубликовали *Frankfurter Allgemeine Zeitung* и *Süddeutsche Zeitung*. Её автор Катарина Блюм получила образование в Берлинском университете имени Гумбольдта и МГУ имени Ломоносова. Блюм оспаривает, что Владимир Путин намерен вернуться к условиям СССР и стремится к изоляции России на основе евразийского мифа; «либерально-консервативное» движение в Москве стремится к «многополярному мировому порядку» и эклектично использует западные идеологии.

Путин предстаёт не как абсолютный «автократ», а скорее как «модератор» между различными группами интересов в рамках картеля власти. Здесь большое значение имеют итоги катастрофы СССР в 1989–1991 годах и последовавшая за ней экономическая и политическая борьба за реструктуризацию «государственного капитализма». Первоначально консервативное контрдвижение было в основном защитой от планов либерализации, продвигаемых Борисом Ельциным, когда некоторые круги в России и за рубежом намеревались интегрировать российский экономику в западную в подчинённой роли поставщика сырья. К концу 1990-х годов этот «фундаментальный конфликт» между западными реформаторами и оппозицией привёл, с одной стороны, к тому, что российские группы «государственного капитализма» оказались более устойчивыми, чем считалось ранее на Западе. С другой стороны, это утвердило «авторитарный» или «либеральный консерватизм» в качестве государственной идеологии, которая поддерживала

видимость плюрализма и демократии путём жесткого контроля над общественным мнением.

Переломным моментом стали выборы 2012 года, когда Путин начал свой третий президентский срок; консервативная элита всё больше разочаровывалась в Соединённых Штатах и Европе из-за маргинализации России на мировой арене. С тех пор установилась связь между «олигархическим государственным капитализмом» как экономической формой и «нелиберальным консерватизмом» как государственной идеологией. В описании Путина как «модератора» между различными интересами мы отмечаем, как *суверенная демократия*, российский вариант *империалистической демократии*, тем не менее отражает плюрализм государственных и частных групп: поэтому даже всеобщие выборы – это больше, чем просто пропагандистская операция, по которой можно измерить массовый консенсус в отношении войны на Украине.

Ещё более интересным представляется наблюдение Катарины Блюм о стратегических намерениях России. Путин, резюмирует *Süddeutsche Zeitung*, ставит под сомнение не только превосходство Запада, но и формирующийся «биполярный мировой порядок», в котором якобы будут доминировать США и Китай. Россия должна стать ведущей силой на «глобальном Юге»: в Юго-Восточной Азии, Индии, Африке и Латинской Америке; это предоставило бы Москве возможность утвердиться в качестве «третьей крупной державы» наряду с Вашингтоном и Пекином. В этом смысле Путин стремится к «многополярному миру» в противовес кондоминиуму между Китаем и США.

Учитывая исторический опыт России, слабой в экспорте капитала и склонной компенсировать это экспортом войны, есть все основания сомневаться, что эта перспектива – иллюзорная лазейка или, по крайней мере, чрезмерные амбиции перед лицом стратегической диспропорции, которую война наложила на отношения между Москвой и Пекином. В этом смысле мы видели Россию «под угрозой», если война приведёт к разрыву связей на Западе и к подчинённым отношениям с Китаем. В конечном счёте даже смелые надежды Лукьянова на выборы в США и Европе имеют в качестве подтекста предположение о переквалификации отношений с Вашингтоном или ЕС.

Российский вектор в Азии по очевидным историческим причинам связан с Индией, что направлено на уравновешивание отношений с Пекином, но и здесь мы видели, как Андрей Кортунов сигнализирует о заинтересованности Москвы и Нью-Дели в сопротивлении «наступающей эпохе жесткой биполярности» (РСМД, 7 августа 2023), но в перспективе, которую нужно разделить не только с остальными странами глобального Юга, но и с Европой.

Субрахманьям Джайшанкар в своей недавно вышедшей книге "Why Bharat matters" ("Почему Бхарат имеет значение") обновил индийскую доктрину *мультилатерализма*; использование прагматического названия Индии призвано подчеркнуть приверженность министра иностранных дел линии явного *индуистского национализма*, проводимой премьер-министром Нарендрой Модии. *The Economist* почти раздражён демонстрацией исторических культурных корней Индии, в то время как руководящий принцип, разработанный Джайшанкаром, – это «*вовне обычный реализм*», а «*не индуистская мифо-*

логия», согласно которой «*индийская внешняя политика будет определяться её национальными интересами*».

Раджа Мохан в статье, опубликованной *Indian Express*, напротив видит в основе тезиса Джайшанкара критику «*наивности*» Джавахарлала Неру в отношении Китая и Пакистана, а также его антизападных «*идеологических пристрастий*», с переоценкой линией *realpolitik* и *политики баланса*, которые после обретения независимости обсуждались в том числе и внутри Индийского национального конгресса. Это линия «*Индия прежде всего*», в которой Модии делает выбор в пользу именно пути национальных интересов, отвергнутого Неру, и исходя из которого можно понять позицию, занимаемые сегодня Нью-Дели относительно Пекина, Исламабада или Вашингтона, с «*поворотом реализма в отношении Китая*» и «*практическим взаимодействием с США и Западом*».

Джайшанкар видит глобальный порядок в состоянии «*транзита*», отмеченного относительно американским упадком и большей «*непредсказуемостью*» стратегического выбора Вашингтона, беспрецедентным восхождением Китая по шкале силы и подъёмом других держав. Это запускает процесс «*реглобализации*», которую следует понимать как ослабление прежних отношений и продвижение к реформированному мировому порядку, в котором будет место для национального самоутверждения Индии и других средних держав.

Можно понять раздражение *The Economist*, идеологического очага атлантического либерализма, но акцент на «Бхарате», помимо очевидных внутренних мотивов, выглядит как оправдание *нового порядка*, правила которого не требуют соответствия с культурными, идеологическими и институциональными стандартами Запада, то есть *старого либерального порядка*. Не случайно претензия на воплощение цивилизованного государства, отличного, если не несводимого, к канону евроатлантического универсализма, муссировалась и в России, в идеологической вульгате евразийского движения, и, с некоторыми отличиями, в Китае, в национальном мифе о тысячелетней имперской истории.

В том числе и Индия, в тезисах "Why Bharat matters", видит себя протагонистом на пёстром фронте *глобального Юга*, достаточно подумать о БРИКС и новых членах этой ассоциации, с некоторыми особенностями, однако, отличающимися её от аналогичных претензий России. В «*ребалансировке*» прежних глобальных экономических отношений, именно в процессе «*реглобализации*», Джайшанкар видит демографическое преимущество Индии, которое может стать офертой на рынке «*глобальной рабочей силы*». В политике «*de-risking*», проводимой для диверсификации цепочек поставок путём снижения зависимости от Китая, у Нью-Дели есть шанс «*запрыгнуть в автобус промышленности*», упущенный в 1990-е годы, когда безоговорочная открытость глобализации пренебрегла инфраструктурой и консолидацией «*индийской промышленности*». Наконец, отметим, что многостороннее сотрудничество даёт Нью-Дели стратегическую мобильность, которой Москва лишилась из-за войны. Помимо США, России и прагматичных отношений с Китаем, Джайшанкар рассматривает Европейский союз в качестве собеседника, а Францию – как родственную модель в по-

нимании *стратегической автономии* и вдохновительницу ядерной доктрины *достаточно сдерживания*.

В работе "Нужна ли Америке внешняя политика?" Генри Киссинджер написал в 2001 году, что в первой половине XX века Соединённые Штаты вели в Европе «*две войны*», чтобы не допустить там господства «*своего потенциального противника*»; по той же причине во второй половине века они столкнулись с *тремя конфликтами* в Азии – против Японии в 1941 году, а затем в Корее и Вьетнаме. Результаты, однако, сильно отличались от тех, что были достигнуты в Европе: не возникло интегрированной экономической зоны, сравнимой с ЕС, не появилось военно-политической организации, подобной Атлантическому альянсу, а АСЕАН была свободной группой сотрудничества без обязанностей по обеспечению безопасности. С точки зрения нашего марксистского анализа, не было и не могло быть всемирной *Ялты*; Азия оставалась зоной *многополярности* и *эпицентром напряжённости* империалистических противоречий. Как же Вашингтон, Пекин и другие азиатские державы будут двигаться между угрозами войны и игрой баланса сил теперь, когда Китай обладает империалистическим масштабом, чтобы навязать себя в качестве регионального гегемона?

Эта стратегическая точка зрения Киссинджера была сформулирована, когда Китай только вступил в ВТО, его экспорт капитала был незначительным, а экспорт продукции обрабатывающей промышленности находился на первой стадии своего взлёта. Отмечая империалистическую траекторию его развития, мы писали тогда, что открылась *новая стратегическая фаза*. Почти четверть века спустя Китай, по словам Ричарда Болдуина из CEPR (Центр экономических и политических исследований), является «*единственной в мире производственной сверхдержавой*», на него приходится 35 % мирового валового продукта, 29 % в стоимостном измерении и пятая часть мирового экспорта продукции обрабатывающей промышленности; вдоль Шёлкового пути вложены инвестиции порядка 1 триллиона долларов. Вопрос в том, как развитие всего региона, появление средних держав, таких как Индия и Индонезия, и вторжение Китая в качестве империалистической державы изменили азиатское равновесие.

Тимофей Бордачёв из Международного дискуссионного клуба Валдай пишет, что Азия и «*Большая Евразия*», в которую он включает Россию в её отношениях с Востоком, остаются «*пространством сотрудничества*», несмотря на войну на Украине и скрытую конфронтацию между Китаем и США. Однако существует неопределённость, поскольку «*современные институты международного сотрудничества*» были сформированы в рамках старого глобального порядка, который сейчас находится в процессе трансформации. Не случайно АСЕАН, ассоциация, созданная в рамках «*либерального мирового порядка*», испытывает наибольшие трудности в политическом плане. Опора на многосторонность в период, когда сила государств выходит на первый план, становится, если читать между строк, фактором противоречий. Не так ли обстоит дело и с Европейским союзом, застигнутым врасплох войной и *атлантическим моментом*, разорвавшим отношения с Россией? Что станет с азиатским *мультилатерализмом*, если напряжённость

В ВОЙНАХ кризиса порядка

между Вашингтоном и Пекином ещё больше возрастёт?

Показательна речь Чжоу Бо, занимающего видное место в китайских военных кругах. Речь идёт о порицании Филиппин, которые обвиняются в том, что США втянули их в спор за Тайвань в качестве «прокси», марионеточных агентов, и позволили Вашингтону вернуть девять военных баз: «Давно говорят о центральной роли АСЕАН. Однако такая роль является условной, поскольку она основана на балансе сил великих держав. Если великие державы вступят в конфликт, АСЕАН окажется в центре сражения, и её центральное положение сойдёт на нет».

Это предупреждение не может не затрагивать Индонезию, которая является ключевой державой в АСЕАН. С оттенком высокомерия Чжоу Бо заходит так далеко, что сравнивает АСЕАН не более чем с «чайным домиком», где можно вести хорошие беседы: её центральное положение – это «миф», хотя и «полезный», служащий форумом для дискуссий между державами в регионе. Возможно, здесь присутствует поспешная точка зрения одного из военных течений, которое не обязательно занимает центральное место в китайской позиции; однако другие источники, и особенно другие силы, видят АСЕАН в ином свете.

По мнению *The Economist*, «азиатская геополитика часто описывается в терминах только двух гигантов, США как действующей сверхдержавы и Китая как восходящей»: это «игнорирует центральную роль Японии». Токио уделяет больше внимания АСЕАН, чем США и Китаю, и его отношения в регионе вступают в новую эру. За последнее десятилетие прямые инвестиции Японии в АСЕАН составили 198 млрд долларов по сравнению с 209-ю у США и 106-ю у Китая. Иначе обстоит дело с торговыми отношениями: в 2010 году объём торговли Китая и Японии с АСЕАН был практически одинаковым – 236 млрд долларов против 219-и. В 2022 году на Китай пришлось 722 млрд, а на Японию – 269.

И снова обратимся к *The Economist*: усиление Китая подтолкнуло Токио к более активной роли в региональной безопасности. При Синдзо Абэ и Фумио Кисиде Япония ослабила законодательные ограничения в отношении своих вооружённых сил и оборонной промышленности; были заключены соглашения о поставках оружия с Филиппинами, Малайзией, Вьетнамом, Таиландом, Сингапуром и Индонезией. Токио рассматривает укрепление военного потенциала в Юго-Восточной Азии как способ «противостоять китайской напористости в Индо-Тихоокеанском регионе»; по словам японских источников в оборонном ведомстве, «театры связаны между собой [...] связи в области безопасности с государством, обеспокоенными китайским экспансионизмом, будут расширяться».

Сингапурская газета *The Straits Times* напомнила о 50-летних отношениях между Японией и АСЕАН, в которые внесла свой вклад «стабилизирующая точка зрения» доктрины Фукуды. Провозглашённая в 1977 году, эта линия сделала возможным заключение мирного договора между Токио и Пекином в 1978 году и проложила путь для отношений Страны восходящего солнца в регионе, который начал освобождаться от обид на имперское прошлое Японии в первой половине XX века. Именно поэтом 1978 год, как мы помним, в анализе Арриго Черветто стал «ключевым годом» в международных отношениях.

По мнению *The Straits Times*, Япония и АСЕАН намеревались поднять уровень взаимоотношений «в условиях неопределённости, отмеченной напряжённостью между Китаем и США». С этой целью OSA (официальная помощь в области безопасности), военный эквивалент ODA (официальная помощь развитию) – инструмент японской внешней политики – будет служить «помощью вооружённым силам дружественных стран в укреплении их потенциала по сохранению регионального status quo против ревизионистских попыток изменить его военными средствами». Некогда «агрессор» в Азии, Япония стала «главной опорой регионального мира, безопасности, стабильности и процветания»; АСЕАН ожидает, что Токио снова «усилит свою роль надёжного партнёра против попыток свести Юго-Восточную Азию к побочному продукту соперничества великих держав».

Корнелиус Пурба, главный редактор газеты *Jakarta Post*, ясно показывает, что ключевой силой этой сингапурской линии является Индонезия, которая превращает провозглашённое в 1955 году в Бандунге историческое неприсоединение в многовекторность, сравнимую с индийской, которая, однако, поддерживается историческими и неформальными линиями влияния, пролегающими между Токио и Джакартой. По мнению Пурбы, Япония «является не только одним из важнейших партнёров в противостоянии соперничеству США и Китая, особенно в Южно-Китайском море», но и «моделью» для Юго-Восточной Азии. Китай будет становиться всё более важным торговым партнёром для АСЕАН, но при этом последняя будет «сохранять отношения с Японией». Токио оккупировал Голландскую Ост-Индию в течение трёх с половиной лет, вплоть до обретения ею независимости в августе 1945 года; в Индонезии нет «анти-японских чувств к империалистическому прошлому Токио, в отличие от Китая и Южной Кореи». После разрыва отношений, последовавшего за событиями 1965 года – кровавыми репрессиями против прокитайской КППИ (Компартии Индонезии), унёсших не менее 500.000 жизней, что в нашем марксистском анализе было названо «индонезийской контрреволюцией» без революционеров – Китай и Индонезия нормализовали отношения в 1990 году, что позволило Пекину установить отношения с АСЕАН в 1991 году; однако, считает Пурба, чувство взаимной враждебности между Китаем и Индонезией не было стёрто. Какова бы ни была судьба Кисиды, столкнувшегося с политической бурей внутри Либерально-демократической партии, «подход Японии к АСЕАН и Индонезии не изменится»; в Джакарте уже давно верят, что «Токио выполняет свои обещания». Некоторые предсказывают, что Китай вскоре заменит США в качестве «глобальной экономической и военной сверхдержавы». Однако Токио останется ключевым партнёром: «Япония незаменима для АСЕАН, несмотря на растущую мощь и влияние Китая. Как минимум, АСЕАН нуждается в обеих державах».

В этом стратегическом контексте проходят президентские выборы в Индонезии, на которых на смену Джоко Видодо пришла связка вице-президента экс-генерала и министра обороны Прабово Субианто и Гибрана Ракабуминга – сына Видодо. За два срока своего правления Видодо использовал ауру предпринимателя, добившегося всего благодаря личным усилиям, проводя линию на экономический рост, управление экспортом

сырьевых товаров и развитие инфраструктуры. Прабово, корни которого уходят в элиту, сложившуюся вокруг Сухарто и старой партии-государства «Голкар», связывают с более внимательным подходом к реализму, а также к экономической и военной мощи, которая поддерживает проекцию средней державы. Компромисс связи Прабово и Гибрана, как сообщает японская *Nikkei*, основан на линии, которая направлена на превращение Индонезии в промышленную нацию.

Амбиции Индии и Индонезии, стремящихся к экономическому восхождению как фактору национальной мощи, указывают на динамику неравномерного развития в Азии. Китай переживает поворот в своей реструктуризации сверху, который, возможно, не имеет аналогов в последние десятилетия. Инфраструктура и недвижимость больше не могут быть движущими секторами цикла; ранняя демографическая зима бросает тень на среднесрочные перспективы. Призывы к кейнсианскому стимулированию, которое на время продлило бы действие старых механизмов, сталкиваются с вопросом долга и фискального равновесия между центром и регионами в той же степени, что и с линией промышленников, которая, в свою очередь, дифференцирована по регионам, группам и секторам; реструктуризация кредитной системы и шаги, необходимые для превращения Китая в международную финансовую державу, переплетаются со сроками конвертируемости юаня.

И снова: процесс социал-демократизации с развитием услуг, структур и гарантий соцобеспечения, способных повысить внутреннее потребление, должен распутать сложный узел хукоу, системы семейной регистрации по месту жительства. Полмиллиарда человек имеют регистрацию, не соответствующую их обычному месту жительства; почти 380 миллионов составляют так называемое плавающее население, которое исключает из подсчёта перемещения внутри городов. Это отпечаток колоссальных социальных потрясений, связанных с разложением крестьянства и урбанизацией сорока лет китайского экономического чуда; решение этой проблемы имеет столь же колоссальные социальные, налоговые, политические и даже институциональные последствия.

В открывшемся глобальном электроальном году это отсылает к выборам, которые не состоятся, – к выборам в Китае, где голосование планируется только на местном уровне и на пробной основе. Будет ли китайский вариант однопартийного плюрализма достаточно гибким, чтобы стать посредником и представителем столь глубокого и масштабного процесса экономической и социальной реструктуризации в сочетании с вызовами империалистической проекции Пекина, неизвестными величинами кризиса порядка и его войнами?

Открытым остаётся вопрос о том, повлечёт ли и в каких формах экономическая и социальная реструктуризация также и политическую реструктуризацию. Мы уже много лет размышляем над вопросом империалистической демократии в Китае: мы отсылаем к этой разработке и к размышлениям о том, как марксистская теория демократии как наилучшей оболочки господства капитала способна анализировать в том числе и её вариации и градации в так называемых «китайских особенностях», классической обтекаемой формуле официальной публицистики.

Книга Чжэн Юннэна «Civilization and the Chinese body politic» примечательна тем, как она решает вопрос «политических изменений» в рамках однопартийной системы: по мнению *Global Times*, Чжэн является одним из ведущих политических аналитиков в Китае, теоретиком институционализации фактического федерализма китайской системы и хорошо известным протагонистом в академическом и политическом мире Юга, в Шэньчжэне и Гонконге. По мнению Чжэна, вопрос «не в том, станет ли Китай демократическим», а в том, «какого рода демократия» там установится. Изменения, вероятно, будут сочетать в себе процесс реформ сверху и экономическое и социальное давление снизу; «конкуренция либерализация» режима может «поощрять появление различных политических голосов и создавать возможности для социальных движений». «Силы» для таких изменений существуют; политика реформ и открытости, рыночная экономика и глобализация, капитализм и «классовая дифференциация» породили силы для изменений; вопрос в том, «какого рода политические изменения примут форму при слиянии всех этих сил».

Однако если под изменениями мы понимаем приведение Китая к «демократии западного образца», то этого не произойдёт; специфическое наследие китайского «цивилизационного государства» всегда будет иметь большой вес. То, что произошло в Китае, – это «демократизация без демократии»: политическая система смогла включить демократические элементы в существующие механизмы, не превратив всё политическое тело в «полную демократию». Оставаясь однопартийной системой, «она проявила институциональную гибкость, чтобы изменить и адаптироваться к новым условиям».

По мнению Чжэна, главное – сделать отношения между центром и провинциями «более демократичными», что подразумевает обеспечение внутренней демократизации КПК. Здесь линия Си Цзиньпина демонстрирует «слабость Китая, а не его силу», потому что «сверхцентрализация» свергла всю бюрократию и местные органы власти в пассивность. В долгосрочной перспективе всем китайским лидерам, «включая Си», придётся восстановить и институционализировать демократию внутри КПК.

На социальном уровне Китай всё больше превращается в «открытую однопартийную систему», «смешанную систему», сочетающую «прямую демократию» на местном уровне и «косвенное политическое участие» на национальном уровне. Если бы, с другой стороны, роль однопартийной системы исчезла, как это произошло с СССР или восточноазиатскими демократиями, такими как Южная Корея и Тайвань, «все возможности были бы открыты»: именно это произошло в начале XX века со свержением династии Цин и «вследствие провала эксперимента парламентской демократии». Распад СССР и корейский или тайваньский транзит имели противоположные результаты; однако мысли, исходящие от Чжэна, если это не самозащита от реакции режима, скорее, представляют собой предупреждение, чем пожелание. В неизвестных величинах социальных последствий реструктуризации и внешней проекции в условиях глобализации, которая стала конфликтной, можно прочесть ощущение неотложности институционализации федерального порядка.

Оружие промышленной политики

В своих отчётах о глобальном цикле МВФ (январь) и ОЭСР (февраль) полагают, что риск «жесткой посадки» экономики миновал благодаря устойчивому росту и «неожиданно» быстрому снижению инфляции. Центробанки склоняются к тому, чтобы в течение года начать процесс снижения процентных ставок, но пока колеблются. Их способность действовать с «большой уверенностью», как говорит ФРС, зависит не столько от вызываемых рынками колебаний уровня инфляции или ставок в десятичных знаках, сколько от неизвестных переменных геополитики, перевооружения, театров военных действий и крупных электоральных турниров. Глобальный экономический рост в трёхлетний период 2023–2025 гг. останется чуть выше 3 %, что ниже среднегодового показателя в 3,8 % за предыдущие 20 лет. Ожидается, что в 2024 и 2025 гг. мировая торговля после застоя 2023 г., вызванного ветрами войны, энергичным ужесточением монетарной политики и многочисленными протекционистскими мерами, оживится и достигнет темпов 3,3 и 3,6 % соответственно – это оптимистичный прогноз, хотя он и ниже среднего показателя, составляющего около 5 % в год в последние 20 лет.

Отметим, что в «развивающихся» странах прогнозируется средний темп роста, более чем вдвое превышающий темп «развитых» экономик (в 2024 году: 4,1 и 1,6 % соответственно). После Covid Индия снова стала лидером «развивающихся» рынков с показателем 6,5–7 %. Китай борется за поддержание роста на уровне 5 %, зажатый между длительным ипотечным кризисом, задолженностью провинциальных правительств и дефляционным давлением на цены производителей и экспортные цены, которые способствуют дезинфляции на Западе. Россия вернулась к росту на уровне 3 %, а военная экономика прорвала стену санкций, найдя в Китае и Индии часть рынков сбыта, утраченных на Западе. Глава ЦБ Эльвира Набиуллина предупреждает, что Россия – машина с хорошим разгоном, но «двигатель рано или поздно перегреется, и далеко мы не уедем» (Банк России, 15.12.2023): в 2024 и 2025 гг. рост замедлится до 2,6 и 1,1 %.

США и ЕС: две скорости

Среди «развитых» стран самый большой разрыв в росте наблюдается между Соединёнными Штатами и Европой: по данным МВФ, за двухлетний период 2023–2024 гг. ВВП США вырастет на 2,5 и 2,1 %, тогда как еврозона будет хромать с 0,5 и 0,9 %. По оценкам МВФ, в 2025 г. эти две державы достигнут показателя 1,7 %; ОЭСР считает, что разрыв сократится, но сохранится. ОЭСР перечисляет три причины относительной медлительности Европы: во-первых, ужесточение монетарной политики оказывает гораздо большее давление на экономику еврозоны из-за её банкцентричной системы; во-вторых, в Европе долгосрочное воздействие на относительные цены оказывает энергетический шок; в-третьих, американские семьи потратили накопленные за время пандемии избыточные сбережения на потребление, тогда как европейцы продолжают их приумножать.

Можно также указать на три дополнительных фактора, которые ускорили экономический рост в США. Во-первых, объём чрезвычайных государственных расходов Вашингтона, лишь отчасти

переведённых в потребление: согласно октябрьскому *Fiscal Monitor* МВФ, эти расходы привели к циклически скорректированному дефициту сектора государственного управления в размере 8,8 % ВВП в 2023 г. и добавят ещё 7,6 % в год в следующие два года. В еврозоне соответствующий дефицит за три года составит 3,3/3,7/3,7 % ВВП, то есть разрыв между США и ЕС – 4–5 процентных пунктов в год. Во-вторых, расходы правительства США на промышленные субсидии привлекли инвестиции из Европы. В-третьих, европейская экономика понесла большой ущерб от коллапса мировой торговли: торговля ЕС со странами, не входящими в ЕС, обеспечивает 32 % европейского ВВП; в США этот показатель равен 21 % ВВП.

Германия в беде

Наибольший ущерб понесёт Германия: это единственная крупная промышленная держава, которая в 2023 г. впадёт в рецессию (0,3 %). В 2024 г. она же будет восстанавливаться медленнее всех. Великобритания и Япония во второй половине прошлого года вступили в рецессию, но достигнут позитивной динамики в течение этого года. Январский ежемесячный отчёт Бундесбанка оценивает потенциальный ущерб, который геополитика наносит китайско-германским отношениям: Германия направляет 7 % своего экспорта в Китай и получает оттуда 13 % своего импорта; в 2022 г. на Пекин приходилось 6 % объёма прямых иностранных инвестиций Германии и 15 % прибыли, которую они приносят.

Бундесбанк насчитывает 756 немецких групп, «особенно подверженных влиянию Китая», прямо или косвенно владеющих дочерними компаниями, учитывая только те, которые представляют не менее 10 % общих доходов, капитала и активов немецких зарубежных филиалов по всему миру. С немецкими компаниями, инвестирующими в Китай, напрямую связаны отечественные банки, вложившие 220 млрд евро, что эквивалентно 7 % их активов, взвешенных с учётом риска, и 42 % их основного капитала. Примерно половина риска приходилась на внебалансовые операции, что является очень высокой долей для структуры балансов немецких банков. Правда, как отмечается в докладе со ссылкой на данные БМР, Великобритания ещё более уязвима: её компании вложили в Гонконг 238 млрд евро. Если риски, возникшие в отношениях между Западом и Китаем, материализуются, сказано в докладе, это станет «огромным ударом» для немецкой экономики, особенно «в крайнем сценарии внезапного декаплинга». Отсюда и призыв к бизнесу и политикам «делать больше для снижения рисков и повышения устойчивости немецкой экономики».

Что с производительностью?

Старший экономист Natixis и член совета директоров Total Патрик Артюс связывает лучшие показатели США с более высоким ростом производительности. В некоторых заметках, написанных в январе для Natixis, Артюс утверждает, что этот разрыв имеет, по сути, структурные причины. Во-первых, это старение когорты трудоспособного возраста: в период с 2002 по 2022 г. доля населения в возрасте от 50 до 64 лет среди тех, чей возраст от 15 до 64 лет составляет 27,8 % в США и 29,9 % в еврозоне. Вторая причина касается инвестиций в новые технологии, в том числе программное обеспечение, и их доли в

ВВП: в 2022 г. они составили 3,7 % в США и 2,6 % в еврозоне. Третья причина – доля расходов на НИОКР в ВВП: в 2021 г. они составили 3,5 % в США и 2,3 % в еврозоне. Четвёртая причина – темпы формирования основного капитала по отношению к ВВП без учёта жилья: в период 2002–2022 гг. в США они составили 2,4 % в год, в еврозоне – 1,7 %.

В версии, опубликованной в конце января в *Les Echos*, Артюс опускает фактор возраста, заменяет основной капитал капитализацией на фондовом рынке (162 % ВВП в США, 67 % ВВП в еврозоне) и добавляет пятый параметр – технологический, или количество патентов на 1 млн жителей: в 2023 г. их было 40 в США и 28 в еврозоне. Артюс подсчитал, что *производительность на душу населения* за двадцатилетний период выросла на 43 % в США и только на 10 % в еврозоне. По его оценке, разница в инвестициях в новые технологии, расходах на исследования и патенты объясняет 80 % разрыва в производительности.

Это сложный вопрос. В ноябре прошлого года *The Economist* заявила, что после резкого роста производительности в период с 1995 по 2004 г., вызванного развитием информационных технологий, с 2011 г. Америка страдает от «векового падения» производительности в обрабатывающей промышленности (и это касается производства как товаров длительного пользования, так и товаров кратковременного пользования) в 14 из 19 её подотраслей. Рост производительности труда (*выработка в час*) в экономике США соответствует указанному Артюсом. Но с 2000 по 2011 г. производительность обрабатывающей промышленности США выросла на 45 % по сравнению с 38 % в ЕС (без Великобритании), однако в период с 2011 по 2022 г. она снизилась на 5 %, тогда как в ЕС выросла на 21 %. *The Economist* комментирует: «Америка может быть сверхтехнологичной державой, но, когда дело доходит до использования технологий в физическом мире, она отстаёт от других».

Стратегическая промышленная политика

Потеря производительности промышленных систем является одним из аргументов в поддержку императива двойного перехода – энергетического и цифрового. Этот аргумент был логичен, когда после мирового финансового кризиса и европейского долгового кризиса тупиковая ситуация в цикле накопления, описываемая как «вековая стагнация», привела к необходимости срочного открытия нового инвестиционного цикла. Платформой для этого и стало климатическое сражение. Планы промышленной политики, начиная с китайских Шёлкового пути и «Made in China 2025» и продолжая планами, предложенными во Франции и Германии, Японии и Индии, а также планами президента Байдена, сместили центр тяжести капиталистической мобилизации от рынка к государству, от инициатив кейнсианского типа к действиям, мотивированным стратегическими целями держав, к интервенционизму, характеризующемуся экономическим национализмом или «национальной экономией», а в политической риторике произошёл сдвиг от конкуренции между экономическими группами к соперничеству между государствами. Как предсказывает марксистская теория, угасающая держава находится на переднем крае

утверждения промышленной политики и перевооружения (пока ещё низкой или средней интенсивности), введения торговых и технологических барьеров, преференциальных субсидий, саботажа многосторонности.

Саймон Эвенетт основал в CEPR (Centre for Economic Policy Research) наблюдательный пункт для изучения мер «новой промышленной политики». Его данные за 2023 г. показывают, что во всём мире этих мер было более 2.500, 71 % из которых искажают торговлю. 48 % – это меры, принятые Китаем, Еврозоной и США. Четверть приходится на продукцию и материалы двойного (военного/гражданского) назначения, 15 % – на низкоуглеродные технологии, 21 % – на биомедицинскую и полупроводниковую продукцию. На долю алюминия и стали, важнейших секторов традиционной промышленной политики, приходится 10 %. Треть мер мотивирована соображениями конкурентоспособности, 28 % – изменением климата, 15 % – поиском устойчивости цепочек поставок. Пятая часть мер направлена на укрепление национальной безопасности – это вежливый способ говорить о перевооружении.

Пророчества и заклинания

В этом процессе трансформации промышленной политики из дополнения к глобализации в её альтернативу углубляется разочарование сторонников либеризма. Ведутся дискуссии о результатах промышленной политики, рассматриваемой как совокупность мер экономической политики, и признаётся, что они будут представлять собой смесь успехов и неудач. Экономист Дэни Родрик, в течение многих лет являющийся либеристом, критикующим глобализацию, основанную на Вашингтонском консенсусе, является сторонником промышленной политики и делает ставку на то, что в конечном итоге успехи перевесят неудачи. Главный экономический обозреватель *Financial Times* Мартин Вулф, напротив, опирается на поучительное исследование Института Петерсона о 50-летию промышленной политики и видит в «новом интервенционизме» огромную трату денег, торговые войны и фрагментацию: «Начать фрагментацию очень легко. Но её будет трудно контролировать и ещё труднее повернуть вспять».

The Economist ведёт кампанию против промышленной политики с тех пор, как обрели форму три основных американских плана, касающихся соответственно инфраструктуры, полупроводников и науки, климата и субсидий для электромобилей в рамках IRA. По мнению еженедельника, Америка возглавляет «опасное глобальное скатывание к субсидиям, экспортному контролю и протекционизму». Газета Сити, конечно, не является монолитом: на её страницах можно увидеть как линию на тривиализацию «эксперимента» Джо Байдена, подчёркивающую, что планируются 1,9 трлн долл. инвестиций за десятилетие в три проекта представляющих собой менее 1 % годового ВВП США, так и линию драматизации выбора в качестве цели безопасности и приоритета устойчивости над эффективностью, который вызовет искушение сделать совокупные инвестиции в оборудование, «зелёную» энергию и аккумуляторы в размере от 3 до 4,6 трлн долл., то есть от 3,2 до 4,8 % ВВП.

Европейские хроники

Момент Шмидта в Берлине

Говорят, что для правительства Олафа Шольца в Германии наступил «момент Гельмута Шмидта», поскольку ключевые решения по перевооружению отсылают к исторической фигуре бывшего канцлера и министра обороны. По ходу начавшихся дебатов выяснилось, что этот переломный момент касается всех центров европейского империализма.

Председатель военного комитета НАТО Роб Бауэр заявил, что западные страны должны подготовиться к прямой войне с Россией в ближайшие 20 лет. Поэтому европейским семьям следует запастись «водой, радио и фонариком на батарейках, чтобы прожить первые 36 часов» (*De Telegraaf*, 22 января). Министр обороны Германии Борис Писториус подсчитал, что у армии для подготовки к войне есть 5–8 лет; по мнению министра обороны Дании Троэльса Лунда Поульсена, Россия может напасть ещё раньше – через 3–5 лет. Главнокомандующий Вооружёнными силами Швеции Микаэль Бюден предупредил своих сограждан: «Посмотрите новости об Украине и задайте себе такие простые вопросы: если бы это произошло здесь, был бы я готов? Что я должен делать?». Тем временем дебаты о новых формах военной службы охватили практически все европейские страны.

Исследовательница политики европейской безопасности в Финском институте международных отношений (Хельсинки) Минна Аландер считает, что увещевания о неизбежности войны в основном предназначены для того, чтобы подать «сигнал тревоги», который заложит «основу для аргумента о том, что в будущем нам придётся больше тратить на вооружение». «Танки или детские сады: дебаты по этому вопросу подвергнут общества испытанию», – говорит Аландер (*Süddeutsche Zeitung*, 29 января). Этот комментарий позволяет нам подчеркнуть алармизм, используемый для поддержки реального перевооружения, происходящего в условиях международной ситуации, когда прямое столкновение между великими державами всё ещё маловероятно, но полностью не исключено.

Европейские предложения

В последние месяцы бесчисленные комментарии в европейской прессе призывали к ускорению перевооружения. В оборонной сфере переплетаются стратегические вопросы внешней политики, суверенитета и промышленной политики. Вот почему нынешнее перевооружение характеризуется признаками конкуренции между государствами-членами, а сила европейского федерализма в этом аспекте остаётся открытым вопросом. Это также непростая финансовая проблема: оборонная промышленность, прежде чем расширять свои производственные возможности, требует долгосрочных гарантий заказов.

Комиссар по внутреннему рынку Тьерри Бретон призвал создать Европейский оборонный фонд на сумму 100 млрд евро, однако не уточнил, как его финансировать. Премьер-министр Эстонии Кая Каллас предложила использовать для этой цели евробонды (общий долг), и эта идея получила поддержку президента Франции Эммануэля Макрона.

В то же время раздаются голоса, призывающие изменить мандат Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), чтобы позволить ему финансировать проекты вооружений. Надя Кальвиньо, президент ЕИБ с января и бывший министр финансов Испании, дала понять, что открыта для такой возможности, хотя её предшественник Вернер Хойер по-прежнему

представляет ЕИБ как «климатический банк» (*Handelsblatt*, 9 февраля).

Чтобы централизовать оборонные усилия, Манфред Вебер и Антонио Таяни (соответственно президент и вице-президент Европейской народной партии) предложили создать должность комиссара европейской обороны с бюджетом около 0,5 % ВВП ЕС. Они также поддержали расширение использования голосования квалифицированным большинством вместо единогласного голосования в Европейском совете, чтобы укрепить общую внешнюю политику. Вебер из баварского ХСС и Таяни, нынешний министр иностранных дел Италии и секретарь «Вперёд, Италия!», заявляют, что долгосрочной целью должно быть создание настоящего «Европейского оборонного союза» с вооружёнными силами «на суше, на море и в воздухе», оснащённого «щитом противоракетной и ядерной обороны» (*La Stampa*, 28 января).

Европейское сдерживание

Вопрос о европейском атомном оружии появился в немецкой прессе в конце прошлого года, а затем разговоры последовали в Швеции и Франции. Сильви Кауфман пишет в *Le Monde*, что новизна заключается не столько в том, что Макрон заявил, что «жизненно важные интересы» Парижа имеют «явно европейское измерение», сколько в том, что вопрос задал шведский офицер из Военной академии Карлберг, поинтересовавшийся, есть ли у Франции как единственной ядерной державы в ЕС «чувство ответственности», выходящее за рамки собственной страны. Когда в 2020 г. Макрон предложил начать диалог о придании французскому сдерживанию европейского измерения, ответом других государств было молчание. Сегодня же об этом предложении говорят в Швеции, исторически «нейтральной» стране, готовящейся к вступлению в НАТО. Другая новость заключается в том, что «французские депутаты немедленно воспользовались возможностью осудить предполагаемое изменение доктрины». Действительно, и Марин Ле Пен из Национального объединения, и депутат от «Непокорённой Франции» подвергли критике заявления Макрона в Швеции. «Вторжение России на Украину и возвращение тотальной войны в Европу изменили всё, – заключает Кауфман, – [ядерное сдерживание] вернуло себе центральное место в стратегических дебатах» (*Le Monde*, 8 февраля).

В Германии дебаты не ограничиваются возможностью европеизации французского сдерживания. В выпуске выходного дня, озаглавленном «Europas Bombe» («Европейская бомба») *Handelsblatt* в основном рассматривала препятствия на пути создания европейского ядерного оружия и европеизации французских *Force de frappe*¹, но приводила аргументы в пользу европейского сдерживания, основанного на британском ядерном оружии. Признавая, что это «дебаты, которые не могут состояться», гамбургская деловая газета не полностью исключила возможность наличия у Германии ядерного оружия. В докладе сообщается о дебатах в Южной Корее и Японии: здесь, как и в Германии, угроза со стороны соседних держав, оснащённых ядерным оружием, и сомнения в надёжности американского ядерного щита, подогреваемые призраком возвращения Дональда Трампа, вызвали споры о необходимости собственного ядерного оружия. *Handelsblatt* сообщает своим читателям: «Так же как и Германия, Япония и Южная Корея имеют технологическую возможность в короткие сроки разработать атомные бомбы» (9 февраля). До сих пор по очевидным историческим при-

Handelsblatt от 9 февраля: «Бомба Европы. Почему политики ведут новые дебаты о ядерном оружии – и какую роль в них играет экономика».

чинам немецкая пресса избегала явных параллелей между перевооружением Германии и Японии. Это табу разрушил нынешний кризис порядка.

Призрак Трампа

Дебаты о европейском сдерживании продолжились во весь опор после того, как Трамп 10 февраля во время своей предвыборной речи в Южной Каролине заявил, что он не будет защищать страны-члены НАТО, которые не платят «по своим счетам», т. е. выделяют менее 2 % ВВП на оборону. Эта постанова под сомнение статьи 5 НАТО вызвала шок в Европе, тем более сильный, что вероятность победы Трампа на ноябрьских президентских выборах кажется высокой, если не вмешаются другие сенсационные препятствия со стороны судебной системы.

Один из четырёх редакторов *Frankfurter Allgemeine Zeitung* (FAZ) Бертольд Колер призвал европейцев «массово перевооружиться традиционным способом». «Однако, – добавил он, – европейцы также должны иметь в своём распоряжении ядерные силы, способные восстановить баланс страха в Европе, который США нарушают настолько, что Москва не смеет и надеяться». Колер исключил возможность появления у Европы ядерного оружия, заявив, что ЕС никогда не сможет по взаимному согласию выбрать, кто сможет держать руку на красной кнопке. Он также намекнул, что из-за возможности победы Марин Ле Пен на следующих президентских выборах во Франции и выхода Великобритании из ЕС идея поставить себя под французский или британский ядерный щит, пожалуй, не является надёжным решением. Молчание правительства Германии по поводу «ещё одного сдерживающего фактора» можно объяснить опасениями,

что в долгосрочной перспективе «падёт последнее табу немецкой политики безопасности: отказ от обладания собственным ядерным оружием» (*FAZ*, 13 февраля).

Пушки для «свободы»

Это правда, что Шольц отказался рассматривать какой-либо другой вариант, кроме «продолжения ядерного партнёрства с Соединёнными Штатами в рамках НАТО» (*Die Zeit*, 25 января). Однако его министр финансов увидел в заявлениях Трампа приглашение углубиться в проблему европейского сдерживания. Глава либеральной партии СвДП Кристиан Линднер напомнил о предложении Макрона и высказался за диалог с Парижем и Лондоном о «политических и финансовых условиях», в обмен на которые они были бы готовы «сохранить или расширить свои стратегические возможности коллективной безопасности». «У нас не должно быть иллюзий, – написал Линднер, – пока в мире существует ядерное оружие, Европе тоже придётся иметь систему ядерного сдерживания» (*FAZ*, 14 февраля).

Линднер считает, что в прошлом «дивиденды мира» использовались в первую очередь для увеличения социальных расходов, но сейчас настало время «поворотного момента в финансовой политике». Он утверждает, что фактически мы вступаем в «эру инвестиций в свободу». Это его способ сказать: «Больше пушек, меньше масла». По мнению Линднера, в данный момент не может быть и речи об увеличении долга, а тем более о подписке на евробонды. Посмотрим, долго ли продлится это табу.

Lotta comunista, февраль 2024 г.

Москва ставит перед собой вопрос после двух лет войны

Алексей Навальный считал, что парламентская республика должна стать лекарством от президентского режима, который, по его мнению, проложил путь к авторитарному дрейфу Владимира Путина. Убийство остаётся убийством, но мы не знаем, в какой степени Навальный, если бы он получил право управлять страной, отличался бы от своего палача, учитывая его корни в русских националистических правых и его расистское и ксенофобское отношение к мусульманам и иммигрантам.

Что касается войны, то число жертв в ней, безусловно, превысило сто тысяч, а возможно, и сто пятьдесят тысяч человек, на обоих фронтах растёт число уклонистов от призыва и дезертиров, а молот репрессий бьёт по противникам как в России, так и на Украине. Интернационалистское единство российского и украинского пролетариата остаётся единственным выходом.

Сожаления и надежды

Война на Украине длится уже два года. В своих комментариях Кремль демонстрирует спокойствие и уверенность относительно хода военных действий: «Будем достигать целей специальной военной операции последовательно и настойчиво. Мы их достигнем», – заявил министр иностранных дел Сергей Лавров на ежегодной конференции по итогам работы российской дипломатии (18 января).

Действительно, на данный момент ход событий, похоже, меняется в пользу России, но остаётся по меньшей мере сомнительным то, что война была запланирована столь продолжительной.

В любом случае, это не главная проблема, стоящая перед Москвой. Как мы уже неоднократно отмечали, угроза носит стратегический характер: разрыв длившихся десятилетиями отношений с Европой, восстановление которых не предвидится.

Именно на этом настаивают некоторые комментарии российских аналитиков, сочетающие в себе в разных градациях как минимум три «чувства»: сожаление об упущенных с разрывом возможностях, как с экономической стороны, так и с более общей стратегической позиции; приспособление к фактам, где тонка граница неохотного согласия, ради спокойной жизни; надежда на возобновление отношений в будущем, с оглядкой на то, что, возможно, сроки превзойдут лично ожидаемую продолжительность жизни.

Сергей Лавров подводит черту

В ноябре Лавров выступил на Международном форуме «Примаковские чтения» – ежегодном мероприятии, посвящённом памяти деятеля внешней политики в период последних десятилетий СССР и первых десятилетий России. В своём выступлении министр попытался сформулировать отношения с Европой и Западом в целом, начав с того, что «[мы] не хотим закрывать дверь или окно, или форточку (Президент России В. В. Путин недавно касался этой темы) для трезвомыслящих игроков на историческом Западе» по мере осознания ими реалий и вызовов объективных процессов многополярности (которые предвидел ещё Е. М. Примаков). Как бы то ни было, «на данном этапе нам не надо думать о том, как восстановить отношения с Европой», лучше держаться подальше от «вывертов» политики Старого континента, всё больше подверженного американскому влиянию.

И всё же, европейцы «репутацию сильно подорвали», но, «может быть ещё не окончательно». Лавров обращается к прошлому опыту, вспоминая отношения, начавшиеся во времена СССР: и тогда США пытались блокировать сотрудничество, и здесь вспоминаются попытки американцев помешать строительству сибирского газопровода в 1980-х годах; но они не смогли одержать верх, и эти отношения стали «основой благополучия Европы». Теперь это уже не так.

Надо сказать, что Кремль пережёвывает обвинения в недостаточной автономии Европы ещё и для того, чтобы скрыть своё разочарование поведением, которое не соответствует ожиданиям Москвы: принятие факта, свершившегося в 2022 году, как это произошло с Крымом в 2014 году.

Воссоединение с Европой?

Тимофей Бордачёв, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», добавляет некоторые нюансы: он призывает не недооценивать Европу, считая её лишь младшим партнёром Америки. В статье от 23 октября 2023 года он отмечает, что дискуссия о многополярности развернулась именно в Европе, «лидеры которой до конца 2000-х годов рассчитывали закрепить своё объединение в числе равных по силам США, Китаю или России участников международной жизни». Но с 2010-х годов позиции Европы стали ослабевать.

Бордачёв подхватывает эту тему 11 декабря, напоминая, что последней попыткой придать себе самостоятельный внешнеполитический потенциал была франко-германская позиция против американской войны в Ираке в 2003 году, которая, однако, не получила продолжения. Сегодня «сам украинский кризис стал в определённой мере результатом того, что континентальная Европа потеряла всякую способность к стратегической самостоятельности».

Однако, несмотря на это, «в отличие от Британии», континентальная Европа «слишком велика и разнообразна для того, чтобы оказаться полностью поглощённой американским влиянием»: крупнейшие европейские государства хотя бы частично способны отстаивать свои собственные внешнеполитические интересы. Вывод рассуждений – Европа, превратившаяся «в арену конкуренции между другими державами», – намекает на возможность сближения, пусть и отложенного на необозримое будущее.

Андрей Сушенцов, директор Института международных исследований МГИМО МИД РФ, излагает другой сценарий, хотя и «всё ещё маловероятный»: война на Украине может привести к «новой милитаризации Германии и Франции», возвращению «Европы к силовой политике, что может повлечь за собой реальную стратегическую автономию Европы от США» («Валдай», 2 января). Препятствием к такому исходу аналитик видит политику Великобритании, которая всегда выступала против франко-германского союза, а также опасения, которые может вызвать перевооружение Германии в Польше и самой Франции. Фактом, однако, является то, что от линии на большую самостоятельность европейского империализма в Москве не отказываются

окончательно. А вместе с ней и от возможности восстановления отношений.

Ревизионистские силы

Однако на данный момент в центре внимания находится Восток: «Задача стоит ясная – избавиться от какой-либо необходимости зависеть от производственно-сбытовых, финансовых, банковских и логистических цепочек, которые так или иначе контролируются или находятся под большим влиянием западных коллег», – заявил Лавров на январской конференции.

Андрей Кортуннов из Российского совета по международным делам (РСМД), похоже, тоже смирился с тем, что трёхвековая парадигма российской внешней политики, основанная на «явном или неявном европоцентризме», больше не стоит на повестке дня. Однако он оставляет открытым окно, поскольку даже в случае «стратегической расстыковки» между Москвой и Брюсселем «Россия и Европейский союз были, остаются и в обозримой перспективе останутся соседями на общем для них европейском континенте» (РСМД, 17 января).

Однако сегодня именно Азия, начиная с Китая, но не только, рассматривается как рычаг для трансформации глобального порядка, во главе с тем, что в Москве называют «мировым большинством», или «не-Западом».

Однако у некоторых комментаторов закрадывается сомнение, что этот огромный мир не выразит общей воли к разрушению порядка и поэтому не может считаться надёжным союзником России, которая бросила военный вызов державам старого порядка. Никто иной как Сергей Караганов, один из самых явных сторонников поворота на Восток, предупреждает, что «мировое большинство совершенно не собирается вести борьбу с Западом», «это соратники, но не союзники» («Российская газета», 27 декабря).

Тезис развивает Бордачёв («Валдай», 5 декабря): «Сейчас в мире невозможно найти крупное или среднее государство, которое ставило бы своей целью полное разрушение мирового порядка, возникшего после Второй мировой войны». По его мнению, преобладает «ревизионизм»: даже те, кто не вполне удовлетворён существующим порядком, стремятся не к революции, а к его модификации, чтобы добиться большей роли. Не в последнюю очередь потому, отмечает тот же автор в последующей статье от 5 января, что новые силы выросли именно благодаря глобализации, гарантированной старым порядком. Вывод, который также звучит как предупреждение Кремлю, заключается в том, что «стремительных и драматичных изменений не будет, поскольку ревизионизм не предполагает резких движений: однако даже в этом случае избежать «потерь было бы исключительно сложно». Каким бы ни был путь, новый порядок потребует крови.

Возвращение больших армий

Разговоры о войне в Москве, как и во всём мире, выходят за рамки новостей. Опыт Украины, если угодно, стимулирует размышления более общего характера. Так, например, произошло с Докладом Международного дискуссионного клуба «Валдай» за октябрь прошлого года, подготовленным Андреем Сушенцовым и Василием Кашиним из Высшей школы экономики.

Название: «Война в новую эпоху: почему возвращаются большие армии». Не обошлось и без конъюнктурного размышления об ошибках, допущенных в начале вторжения на Украину, когда предполагалось, что война будет ограниченной и короткой.

Вместо этого долгосрочный вывод состоит в том, что «большая война» снова на повестке дня, вместе со всем тем, что она требует: мощная промышленная база, более крупные армии, мобилизация населения, «как и сохранение и расширение практики призыва граждан на службу». Параллель с продолжающимися в Европе дебатами о том, следует ли вновь ввести обязательную воинскую повинность, напрашивается сама собой.

Время войн

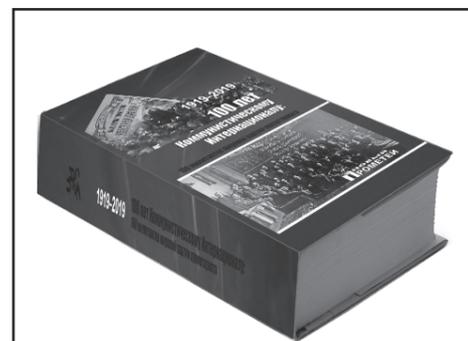
Это знак грядущих времён. Иван Тимофеев, генеральный директор РСМД, рассказывает о перспективах, которые он видит на горизонте российской и мировой политики.

«Из режима кризиса российская политика перешла в режим новой нормальности». Три фактора обозначают эту новую нормальность, к которой придётся привыкать: «отсутствие видимых предпосылок для компромиссов» на Украине, переход войны к борьбе «на истощение» и, наконец, адаптация к санкциям. Но нет недостатка в вопросах: «Как долго продлится новая нормальность? Какие новые развилки нас ожидают в будущем? Как именно их пройдёт Россия?» (РСМД, 27 декабря).

Здесь можно соотнести с более общими размышлениями Тимофеева: что ждёт нас в ближайшем будущем? Новая архитектура мирового порядка предполагает потрясения и конфликты: но какого рода? Альтернатива – «череда локальных конфликтов или это будет какой-то большой конфликт». Кроме того, добавляет он, когда происходят изменения мирового порядка, «ожидать можно чего угодно» (РСМД, 10 января).

Это не новая альтернатива для нашего анализа. С одним основным различием: они смотрят на кризис и слом порядка как на возможность утвердить возросшую роль своего империализма, а мы видим в этом возможность для утверждения интернационалистской политики против всех империализмов.

Lotta comunista, февраль 2024 г.

**1919–2019. 100 лет
Коммунистическому
интернационалу: 100 миллионов
мировой партии пролетариата**

608 страниц, твёрдый переплёт,
именной указатель,
иллюстрации по тексту.

978-5-6042357-0-6

Цена 450 руб.

Российские хроники

Новое платье Кремля

По предварительной оценке Росстата, в 2023 году реальный ВВП РФ вырос на 3,6 %. При этом средние темпы роста российской экономики за пятилетку 2018–2023 годов были 1,6 %. В этот промежуток поместились последний год перед началом пандемии столетия, год пандемического кризиса, год послекризисного восстановительного роста и два года войны на Украине.

Низкие темпы роста российской экономики сохраняются. Очевидно, российский империализм не обладает достаточной силой и притяжением для того, чтобы быть авангардом слома текущего мирового порядка.

Смена вектора

Данные по внешней торговле демонстрируют фактический разрыв с Западом, прежде всего с Европой, и поворот к «глобальному Югу», в первую очередь к Азии, на торговлю с которой, по данным ФТС, приходится чуть менее 70 % общего товарооборота России. По сравнению с прошлым годом рост доли Азии составил почти 20 процентных пунктов. Товарооборот с ЕС упал более чем в два раза, почти так же сократилась и его доля. Теперь на ЕС приходится лишь 23 % российского внешнеторгового товарооборота. Почти на 70 % сократился экспорт, а импорт упал чуть более чем на 10 %. Таким образом, колоссальный профицит в торговле с Европой сменился фактическим паритетом.

В целом экспорт товаров за прошлый год сократился на 28,3 % в номинальном выражении, а импорт продолжил восстановительный рост за счёт поставок из «дружественных стран». На их долю пришлось 75 % внешней торговли России. При этом профицит счёта текущих операций сократился почти в пять раз по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Поворот в Азию не компенсировал разрыв энергетического Рапалло с Европой.

Совокупный экспорт из России за первые три квартала прошлого года просел по всем товарным группам, кроме продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (рост на 30 %). В частности, объём экспорта минеральных продуктов (сюда входят энергоресурсы) упал на 36 %, экспорт товаров машиностроения и деревообработки на 40 %, металлургии и химической промышленности на 20 %.

Доходы от экспорта природных ресурсов сокращаются, но постоянной чертой остаётся использование поступлений от продажи сначала пушнины, леса и пеньки, а затем зерна и нефти для финансирования государственной политики и укрепления военного аппарата.

Наибольший объём импорта как обычно приходится на машины, оборудование и транспортные средства, в стоимостном выражении их поставки увеличились на треть.

«Газпром»: забито окно в Европу?

Беспрецедентный факт – многолетний лидер российской экономики получил из Фонда национального благосостояния 392 млрд рублей на строительство газохимического комплекса в Усть-Луге с заводом по производству СПГ мощностью 13 млн тонн в год. Эксперты говорят о сомнительном характере этого реализуемого на мелководье проекта, но важнее тот факт, что «газовый гигант уже не в состоянии самостоятельно профинансировать очередной проект», это «говорит о

его бедственном положении» (*The Moscow Times*, 14.02.2024).

Причина на поверхности. Добыча газа упала в годовом выражении на 100 млрд кубометров, тем самым объёмы производства стали самыми низкими за 34 года существования компании. Примерно на те же 100 млрд сократились поставки в европейском направлении. Имеющая символическое значение связь с европейским рынком посредством сохраняющегося, несмотря на войну, украинского транзита, по всей видимости, подходит к концу. «Мы не заинтересованы в продлении трёхстороннего соглашения о транзите газа с Россией, срок действия которого истекает в конце этого года», – заявила 15 февраля еврокомиссар по энергетике Кадри Симсон («Ведомости», 16.02.2024).

Ещё до подрыва «Северного потока» «Газпром», по всей видимости, по приказу Кремля, который в очередной раз пытался использовать компанию в качестве геополитического оружия, отключил газ большинству стран Европы, потеряв главный рынок сбыта. Обладая крупнейшими в мире доказанными запасами газа, «Газпром» остался без возможности его продавать. В 2023 году в дальнее зарубежье было прокачено лишь около 69 млрд кубометров – минимальный объём с 1985 года. Даже по сравнению с худшим за всю историю компании 2022 годом, объём прокачки за рубеж сократился ещё на треть. А по сравнению с довоенными уровнями экспорт «Газпрома» схлопнулся втрое. При этом поставки в Европу упали до 28 млрд кубометров – уровня второй половины 1970-х годов.

Несостоявшийся поворот в Азию

«Сила Сибири» должна выйти на проектную мощность только в 2025 году, а пока «с трудом окупает операционные затраты на добычу и транспортировку газа в Китай, а капиталовложения в освоение месторождений и строительство газотранспортной инфраструктуры не окупаются вообще никогда». Неудивительно, ещё в 2017 году, выступая в Госдуме, занимавший тогда пост министра энергетики Александр Новак признался, что газопровод в Китай – проект некоммерческий.

Рекордные 23 млрд кубометров, прокачанные в прошлом году через «Силу Сибири», в Китай и планирующееся увеличение импорта российского газа Узбекистаном до 11,68 млрд куб. в год, очевидно, не способны компенсировать утрату европейского рынка, особенно если учесть разницу в цене.

В середине прошлого года убытки «Газпрома» достигли триллиона рублей, и он «был вынужден потратить две трети резервов, чтобы избежать банкротства» (*The Moscow Times*, 14.02.2024). Кроме того, чтобы покрыть военные расходы, Кремль ввёл надбавку к налогу на добычу полезных ископаемых, которая обходится группе в 50 млрд рублей ежемесячно.

Понимая затруднительное положение недавнего паладина Кремля, китайские и турецкие «друзья» российского империализма ведут себя вполне прагматично. Пекин медлит и не желает инвестировать в новую трубу, предлагая России «полностью оплатить многомиллиардный счёт за строительство» (*The Moscow Times*, 6.02.2024), а также требует скидок на будущие поставки. Анкара не только получила перед последними президентскими выборами отсрочку по платежам «Газпрому», но и продолжает увязывать

ГАЗОВЫЙ ТУЗ В КОЛОДЕ КРЕМЛЯ

На рубеже 1964–1965 годов было принято решение использовать нефтегазовую отрасль и продажу производимого ею сырья на Запад в качестве финансовой базы развития экономики СССР. На этом строились долгосрочные стратегии в оборонной и энергетической промышленности, машиностроении.

В 1968 г. СССР подписал газовое соглашение с ГДР, а в 1969 г. предложил ФРГ обменивать трубы и оборудование на поставки газа. В 1968 г. было подписано соглашение с Австрией, в 1969 г. – с Италией (ENI), в 1969 г. – с Францией. В 1970 г. с ФРГ была заключена сделка «газ – трубы». Газ стал важнейшим фактором не только экономики СССР, но и его внешней политики.

К 1975 году появились планы прокладки газопровода из Сибири в район Мурманска, где предполагалось сжигать газ и на танкерах поставлять в США. Но переговоры с Вашингтоном провалились. В США считали, что разрядка не гарантирует того, что поставки будут стабильными. Кремль сделал выбор в пользу «Сибирского газопровода», запущенного в январе 1984 года.

идущие уже два года разговоры о создании газового хаба на Босфоре с дальнейшими скидками на российский газ.

В этих условиях залатать дыру в бюджете «Газпрома» Кремль намерен посредством резкого повышения тарифов на внутреннем рынке. С июля 2024 года они будут увеличены на 11,2 %, через год – ещё на 8,2 %. Таким образом, для потребителей в РФ газ подорожает за два года на 20 %, а с начала войны – на 34 %. А это не только удар по карману пролетариата, но и сокращение конкурентоспособности промышленности, то есть Кремль своими же руками может осуществить у себя дома то, над чем насмеялся в отношении европейского империализма, «отказывавшегося от дешёвого российского газа».

В текущих условиях заявление, сделанное 18 февраля в интервью ВГТРК президентом РФ Владимиром Путиным о том, что «Россия всё ещё может запустить сохранившуюся нитку «Северного потока» – для этого нужна всего неделя, но Германия не хочет», является не более чем выражением затаённой обиды.

Кремль в тупике

Рональду Рейгану, желавшему сохранить Европу разделённой, не удалось в начале 1980-х годов сорвать строительство газопровода Уренгой – Помары – Ужгород – Западная Европа. «Сибирский газопровод» на десятилетие связал российский и европейский империализмы, став своего рода символом потенциальной большой Европы от Лиссабона до Владивостока. Владимир Путин – немец в Кремле, – вероятно, сам того не желая, подыграл американской стратегии по укреплению трансатлантических связей, разорвав энергетическое Рапалло.

Структура российской экономики с колоссальным весом энергоресурсов исключает изоляционистский выбор, к которому призывают многие, в том числе видные идеологи правящего класса.

Поворот в Азию представляет собой реализацию стратегического кошмара российской буржуазии, там её ждут удушьящие объятия китайского империализма. Отсюда стремление к поиску баланса, которым могла бы стать Индия.

На Глобальном Юге, как пишет генеральный директор РСМД Иван Тимофеев, «заинтересованы в том, чтобы хеджировать риски» (РСМД, 10.01.2024). Уже поэтому Россия в лучшем случае может быть там лишь одним из игроков. Причём не самым сильным.

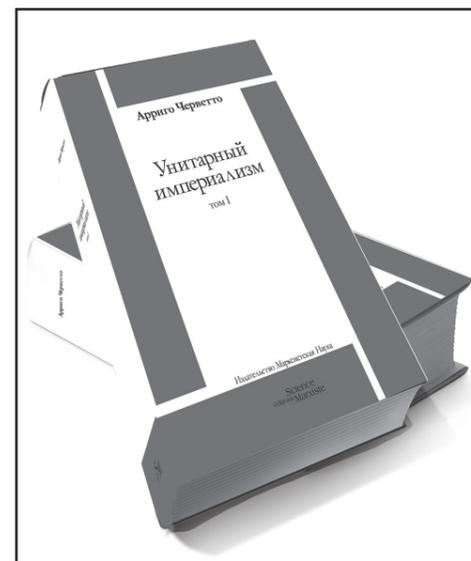
В статье 2008 года, распространённой *Tribune Media Services*, Генри Киссинджер писал: «Российские лидеры осознают ограничения своих стратегических возможностей. В самом деле, я бы охарактеризовал российскую политику при Путине как

поиск надёжного стратегического партнёра, и Америка является весьма предпочтительным выбором». Быть может, в текущей ситуации, когда в отношениях между Москвой и Вашингтоном достигнуто дно, Кремль примет приглашение американского стратега?

Впрочем, в долгосрочной перспективе нельзя исключать и восстановления отношений с Европой, в новых формах и в новых условиях, о чём не перестают говорить различные представители российской буржуазии: «Географию нельзя полностью сбрасывать со счетов» («Московский комсомолец», 5.02.2024).

Чтобы не говорили идеологи российского империализма, украинская авантюра вскрыла наготу Кремля.

Февраль 2024 г.

Арриго Черветто
УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 1

2005, 796 страниц,
суперобложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-14-X

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 2

2005, 736 страниц,
суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

Война и противоречивое развитие капитала

По мнению министра экономического развития РФ Максима Решетникова, на Западе «все меньше понимают, что у нас происходит и насколько действительно внутренне крепка наша экономика». По его словам, «они все смотрят в зеркало заднего вида, а в РФ существенным образом трансформировались экономические процессы, произошла переориентация транспорта, бизнес проявил гибкость» (INTERFAX.RU, 1.02.2024).

Понимают ли те, кто стоят у штурвала российского империализма, действительное состояние корабля, который они ведут среди волн штормовых времён второго тайма новой стратегической фазы? Украинская авантюра и её последствия вызывают в этом сомнения. Если фронт боевых действий создаёт иллюзию победы, то экономический фронт указывает на стратегическое поражение.

Удары гибридной войны

Военная агрессия российского империализма против Украины вызвала ответный удар «коллективного Запада», который выразился не только в пропагандистской поддержке Киева и поставках оружия, но и беспрецедентных по масштабу санкций. Экономический удар по Кремлю – один из элементов гибридной войны.

Санкции не обрушили и не могли обрушить российский империализм, но они стали средством, которое ограничивало его возможности. Введение ценового потолка на экспортируемую из России нефть сократило на 26,3 % нефтегазовые доходы по сравнению с 2022 годом. Банки стран, которые не ввели санкции против России, под давлением США и из-за опасения вторичных санкций вынуждены ограничивать транзакции.

«Проблемой [...] стали международные платежи», – признала 25 декабря в интервью РБК председатель ЦБ РФ Эльвира Набиуллина. Банки Турции с конца прошлого года массово блокируют платёжные операции с Россией. На протяжении «двух – трёх недель» российские экспортёры нефти не получают «деньги за проданные баррели». Но в первую очередь это ударило по неэнергетической торговле: «Основная проблема возникает [...] с платежами, которые Турция должна получить» (The Moscow Times, 19.02.2024). В результате турецкий экспорт в РФ оказался парализован: поставки машин и оборудования, в том числе тех, что поступают из стран Запада через различные посреднические схемы, практически остановились. В январе проблемы возникли с Индией, отказавшейся принимать 14 танкеров с сахалинской нефтью после того, как «Роснефть» не смогла открыть счёт в ОАЭ, чтобы получать оплату в дирхамах. Крупнейшие китайские банки Industrial and Commercial Bank of China, China Construction Bank и Bank of China перестали принимать платежи от кредитных организаций России, попавших под санкции. Остановил расчёты и китайский банк Chouzhou Commercial, являющийся ключевым для импорта в Россию.

«Многие импортные комплектующие для ВПК по-прежнему попадают в Россию даже несмотря на санкции. Но военный импорт затрудняют не только они: из-за ослабления рубля зарубежные комплектующие дорожают – так

же, как и все остальные иностранные товары. Использование серых схем ввоза тоже приводит к дополнительным расходам» (Meduza, 29.12.2023). Это одна из причин того, почему импорт машиностроительной продукции в прошлом году увеличился в стоимостном выражении на треть.

«Резкий рост поставок станков с ЧПУ, позволяющих выполнять чрезвычайно точную фрезерную обработку металла, стал предметом серьёзного беспокойства союзников Украины, которые пытаются ограничить доступ России к этому оборудованию», – пишет Financial Times (3.01.2023). В ноябре прошлого года США ввели санкции против всех крупных российских импортёров инструментов с ЧПУ. Пока же, пишет газета лондонского Сити, «с момента полномасштабного вторжения на Украину китайские поставки в Россию важного класса современных станков выросли в десять раз, и теперь производители этой страны доминируют в торговле высокоточными устройствами с числовым программным управлением, жизненно важными для военной промышленности Москвы».

Агентство экономической информации «Прайм» (4.12.2023) признаёт: «Геополитический разрыв России и Запада, санкции и ответные меры существенно ограничили возможности развития многих российских предприятий, заставили их сосредоточить усилия на выживании и адаптации».

Человекоубойная промышленность

ВПК исторически является важнейшей отраслью российской экономики, занятые в ней инженеры и конструкторы внесли значительный вклад в развитие промышленности в целом. Способен ли современный российский ВПК стать драйвером нового технологического рывка?

Исследователи из специализированного журнала «Вооружение и экономика» (№ 4, 2023) указывают на значительное технологическое отставание российского ВПК от американского: если в США около 5 % производства уже соответствуют 6-му самому высокому технологическому укладу, доля 5-го составляет 60 %, а на 4-й приходится 20 %, то в России 6-й пока даже не формируется, доля 5-го уклада составляет примерно 10 %, 4-го – свыше 50 %, третьего – около 30 %, а 10 % ВПК находится на ещё более низком технологическом уровне. Поясним: третий и четвёртый технологические уклады соответствуют индустрии 3.0, пятый – индустрии 3.0+, а шестой – индустрии 4.0.

Но проблемы имеются и на более приземлённом уровне. Даже перейдя на работу в три смены, российский ВПК сталкивается с проблемой производства снарядов в первую очередь из-за дефицита пороха и взрывчатых веществ. До войны Россия импортировала порох, прежде всего из Китая и Франции. Импортировалась и нитроцеллюлоза – важнейший элемент производства бездымного пороха, используемого для зарядной части артиллерийских боеприпасов. В СССР существовало производство нитроцеллюлозы полного цикла на основе узбекского хлопка, теперь же эти возможности крайне ограничены. Лишь в конце 2021 года учёные Пермского

политехнического университета запатентовали способ её получения из древесины. До войны основными поставщиками нитроцеллюлозы на российский рынок были Швейцария, Таиланд и Австрия. В апреле 2022 года ЕС запретил её экспорт в РФ, с тех пор треть поставок приходится на Китай и почти половина на Турцию. При этом в 2022 году почти 70 % нитроцеллюлозы Турция ввезла из стран ЕС (Германия, Чехия, Италия, Испания).

Перед началом войны идеологи правящего класса утверждали, что коньком России является жёсткая сила. Но в современном мире она требует устойчивой промышленной базы. Генри Киссинджер писал: «Судьба СССР показала, что односторонняя установка на военную мощь не может обеспечить стабильности – особенно в век экономической и технологической революции»¹. Усвоили ли это в Кремле?

Война как инвестиционный цикл

Арриго Черветто, изучая исследование британского историка экономики Алана Милуорда, подчёркивает, что автор рассматривает «войну как экономический процесс»². В предисловии к книге «Всемирное противостояние» Черветто приводит тезис того же автора «о войне как инвестиционном цикле»: «С войной также связано создание значительного количества нового основного капитала [...]. Если воспринимать войну как нормальный фактор обновления капитала, то этот период можно рассматривать именно в качестве времени, когда под влиянием войны основной капитал во многих странах претерпел быстрые изменения»³.

Война на Украине является подтверждением. Инвестиции в основной капитал в 2022 году выросли на 4,6 %, сообщает Росстат. В номинальном выражении они составили 27,865 трлн рублей. «Источники финансирования инвестиций за счёт прибыли у нас существенные», – заявила Эльвира Набиуллина (ТАСС, 16.02.2023). По итогам прошлого года – данные до ноября без учёта банковского сектора – прибыль российских компаний, сообщает она, превысила 34 трлн рублей. «Это рекордный результат [...], на 16 % выше, чем в 2021 году. [...] ресурс инвестиций в финансирование проектов есть», – подчеркнула глава финансового регулятора.

Одним из факторов роста инвестиций в основной капитал, по мнению ЦБ, является политика импортозамещения. Мотором промышленного роста стали обрабатывающие производства: за 2023 год они выросли на 7,5 %. Тесно связанные с ВПК электронная, электротехническая и оптическая промышленность за последние полгода выросли на 39 и 30 % соответственно.

Наибольший вклад внесли Москва, Московская область, Санкт-Петербург, а также Свердловская область, Красноярский край и Челябинская область. «Это промышленные регионы, на которые в значительной мере легла нагрузка по импортозамещению и госзаказу», – отметила руководитель группы региональных рейтингов АКРА Елена Анисимова.

Министр финансов Антон Силуанов в сентябре 2023 года для характеристики бюджета воспользовался сталинским лозунгом «всё для фронта, всё для победы», заявив, что это «не-

маленькое напряжение для бюджета, но оно безусловный наш приоритет» (Lenta.ru, 28.09.2023).

Чтобы измерить силу «напряжения», обратим внимание на рост расходов на военные нужды: в 2021 году – 3,6 трлн рублей, или 2,6 % ВВП, в 2023-м – 6,4 трлн рублей, или 3,9 % ВВП. В 2024 году они могут составить около 11 трлн рублей, или 6 % прогнозируемого ВВП. Это много, но несравнимо с расходами тотальной войны. СССР в 1942 и 1943 годах, пишет профессор экономики Уорвикского университета (Великобритания) Марк Харрисон в книге «Бухгалтерия войны», тратил на военные нужды 60 % ВВП. Однозначно, российский империализм стремится достичь целей «минимальной кровью», сохраняя экономическую стабильность и не вызывая социального взрыва.

Как бы то ни было, мы наблюдаем военный инвестиционный цикл. Невозможно определить вес непосредственно ВПК в той или иной отрасли промышленности, поскольку многие предприятия выпускают как военную, так и гражданскую продукцию. Но сам факт войны и связанные с этим потребности российского империализма являются неоспоримым подтверждением нашего тезиса. Кроме того, президент РФ Владимир Путин заявил, что за последние полтора года в ВПК было создано более 520 тыс. новых рабочих мест, а ранее он говорил, что производство вооружений увеличилось в 2,7 раза, а по наиболее востребованным направлениям – в 10 раз (РБК, 2.02.2024).

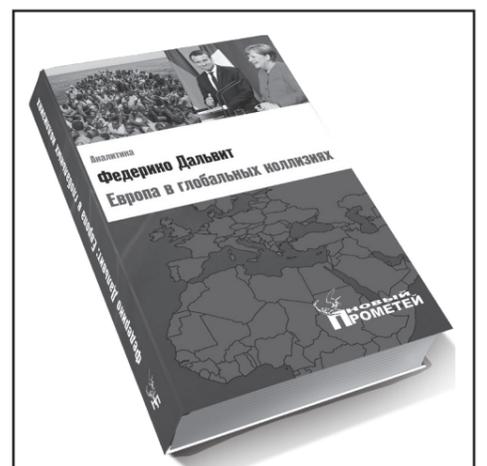
Российский империализм не находится в состоянии перенапряжения, которое стало одной из причин краха СССР, но выход из стратегического тупика неизбежно станет для него серьёзной проверкой на прочность.

Февраль 2024 г.

1 – Киссинджер Г. Нужна ли Америка внешняя политика? М. 2002. С. 9.

2 – Cervetto A. Opere. Vol. 8. Milano: edizioni Lotta Comunista, 2018. P. 803.

3 – Черветто А. Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2019. С. 10.

Федерико Дальвит

Европа в глобальных коллизиях

592 стр., твердый переплёт, примечания, биографический справочник, библиография, хронология, указатель периодических изданий и СМИ, карты.
ISBN 978-5-9905528-9-0

Цена 400 руб.

Испанское Сопротивление “предано” в 1945 году

Испанцы, бежавшие во Францию после победы Франко, были включены в состав войск генерала де Голля и приняли также участие в боях в Италии: в неудавшейся высадке в порту Салерно и в битвах на реке Гарильяно и под Монте-Кассино. Пьетро Рамелла в книге 2003 г. “La Retirada” сообщает, что многие из них, взятые в плен итальянцами и интернированные в лагерь Латерина, после 8 сентября 1943 года и побега фашистов присоединились к «итальянским партизанам, действующим между Арцецо и Монте-Сан-Савино или в районе [потухшего вулкана] Монте-Амиата». В апреле 1945 г. часть бригады, состоявшая из испанцев и первой спустившаяся с Альп, была остановлена у ворот мятежного Турина, чтобы пропустить французов. Также и при взятии Парижа испанской бригаде, оставившей на поле боя 28 офицеров и 600 солдат, не разрешили войти первой со своими танками, на которых были революционные надписи. Она продолжала действовать в Германии до конца конфликта. В войне и Движении Сопротивления участвовало более 50 тыс. испанских бойцов, причём более 30 % из них погибли в боях или были взяты в плен и умерли в нацистских концлагерях.

Отчаянная партизанская война в Испании

По мнению испанских антифашистов, «теперь настала очередь Испании»; вместо этого их бригада «была переброшена в Индокитай, где участвовала в боевых действиях против Вьетконга». Таким образом, она разделила с французами их окончательное поражение при Дьенбьенфу в мае 1954 г., хотя несколько сот испанцев «дезертировали», присоединившись к вьетнамским повстанцам. В апреле 1945 г., продолжает Рамелла, чуть менее 15 тыс. испанских партизан, несмотря на блокаду границ, вошли в Испанию. Хотя они и были плохо вооружены, но вполне естественно считали, что после падения Гитлера и Муссолини настал черёд Франко. Однако после некоторых первоначальных внезапных действий они были отброшены и снова пересекли Пиренеи, понеся потери убитыми и ранеными.

Затем антифранкисты, многие из которых были героями французского Движения Сопротивления, обратились к «партизанским действиям, проводимым небольшими группами» на территории Испании. По официальным данным испанского правительства, с 1944 по 1952 г. около 15 тыс. повстанцев совершили 8.275 «незаконных действий», в результате которых 5.548 человек погибли и 634 было взято в плен (из них 256 умерли).

Сопротивление действительно было “предано”

Английский военный историк Энтони Бивор в своей “Гражданской войне в Испании” упоминает о депортациях беженцев во Францию и подтверждает, что испанское Сопротивление действительно было «предано». Испанцы ожидали «скорого краха режима Франко», но «Испания Франко так и не была свергнута».

Бивор описывает попытки пересечь Пиренеи и репрессии в городах. Самыми известными лидерами в Барселоне и в горах были анархисты (Эль Кико, Каракемада и др.), которых обычно брали в плен и убивали. Немногим удалось бежать во Францию, как, например, Лангулло, который сделал это аж в августе 1968 г., а к тому времени «пляжи юж-

ного побережья заполнили иностранные туристы».

В ноябре 1956 г. в газете Impulso Арриго Черветто прокомментировал суровый текст Хуана Херманоса “Spagna clandestina”: «Это не книга по истории, это не официальный документ, возможно, завтра от него будет мало пользы тем, кто вознамерился историографически систематизировать одно из самых важных событий для международного пролетариата, [...] это своего рода дневник». Эта книга – свидетельство борьбы группы молодых людей из Мадрида, студентов и рабочих, юношей и девушек, которые начали тайное сопротивление после поражения в 1939 г., когда никто больше не мог ими руководить, и подверглись страданиям от убийств и пыток. Борьбы, закончившейся после решения ООН признать Франко в 1946 г.

Черветто продолжает: «После 1939 года поражение, которое так драматично сопровождало борьбу против Франко, казалось, повлекло за собой невозможность даже малейшего сопротивления. Маскированная интервенция всего империализма преследовала последних бойцов вплоть до демократических французских концетрационных лагерей вроде Верне, в то время как фашистские палачи действовали в Аликанте и во всех испанских тюрьмах».

Но борьба всё же возобновилась, её начали «молодые люди нового поколения, без чёткой идеологии, без зарубежных связей, без контактов с какой-либо партией». Тем не менее «они объявили себя революционерами, они посвятили всю свою жизнь борьбе против режима, они ненавидели всю систему, которую он представлял, даже если у них и не было чёткого политического видения, и они верили, что война Объединённых Наций против нацизма и фашизма неиз-

бежно приведёт к падению Франко».

Книга рассказывает нам о неравной борьбе этих молодых людей, а Черветто констатирует «позор всех тех лидеров» левых партий, включая итальянских, которые «не хотели следовать движению международной солидарности, какими бы намерениями они ни руководствовались, даже если хотели проложить “новые пути” к социализму», и бросили борцов на произвол судьбы.

В день окончания войны рабочие всех испанских фабрик прекратили работу. В ожидании голосования ООН в 1946 г. тысяча рабочих из Бильбао захватила завод с оружием. Но «ООН, это логово разбойников, как назвал бы её Ленин, удержала Франко в седле своими голосами». Все союзники «без исключения своим голосованием предали ожидания испанского Сопротивления, готового к восстанию».

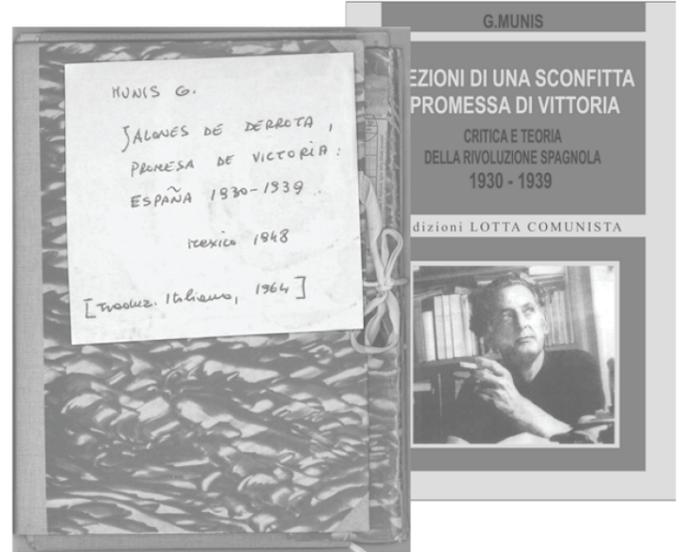
Черветто завершает статью, цитируя проникновенные слова Херманоса: «Я думаю о Марисе, которая умерла за это, умерла как мученица. Почему, ей-богу? Мне хочется вновь позвать её, сказать: оно того не стоило, вся эта ерунда была организована, чтобы нас погубить. Они нас погубили. Мы были идиотами. Мы верили в свободу, в прогресс, а это были мелочи. Трумэн плевать на свободу. Ему нужны рынки для американской продукции. [...] Если бы демократии не предали нас, мы бы, несомненно, одержали победу. Но демократические страны предали нас».

Свидетельство Грандисо Муниса

Грандисо Мунис, родившийся в 1912 г. в Мексике, а затем переехавший в Эстремадуру, участвовал во всех сражениях лет, предшествовавших гражданской войне, присоединившись к троцкистскому движению и основав в 1938 г. свою собственную группу, полностью поддерживавшую русского революционера. Участник столкновений со сталинистами в 1937 г. в Барселоне, он был ими арестован, подвергнут пыткам и приговорён к смертной казни, от которой спасся бегством в 1939 г. Он укрылся в Мексике, где был одним из ближайших соратников Троцкого до того, как последнего убили.

Вернувшись во Францию, Мунис организовал во франкистской Испании подпольную группу Fomento Obrego Revolucionario (Революционное рабочее брожение), деятельность которой несколько раз переплеталась с активностью нашей ленинистской организации на всех этапах её развития. Это сотрудничество осуществлялось через статьи, инициативы, встречи, моменты общей солидарности. Не было также недостатка в сопоставлении различных идей, потому что суровый опыт, который пережил Мунис, заставил его опасаться организованной формы партии, над созданием которой мы тогда, напротив, работали.

Мы приняли к рассмотрению совместное открытое письмо испанского революционера, Бенжамена Пере и Натальи

Седовой-Троцкой, вдовы русского революционера, от июня 1947 г. Они отказывались считать СССР по-прежнему социалистическим государством с деформированной бюрократией и заявляли, что на тот момент подтвердился его характер как «государственного капитализма». Не углубляясь во внутренние расколы троцкистского движения, приведём некоторые отрывки из этого письма, помещённого в приложение к его книге “Lezioni di una sconfitta, promessa di vittoria”, написанной ещё в 1948 г., но опубликованной – после различных мытарств – лишь в марте 2007 г. на итальянском языке издательством Lotta Comunista.

Предпосылка Муниса однозначна: «Первое, что надо понять в мировой ситуации, без чего всё становится запутанным и все действия напрасны, – это то, что нынешнее российское государство и правительство даже отдалённо не являются выражением большевистской революции 1917 года, а представляют собой самую свирепую и завершённую из контрреволюций».

В письме делается отсылка непосредственно к опыту только что закончившейся войны, сопровождаемая ясной интернационалистической позицией автора, не испорченной чрезмерной уверенностью в спонтанности масс: «Если бы не вмешались Москва и мировой сталинизм, то империалистическая война была бы предотвращена европейской революцией, она бы даже не вспыхнула или в кратчайшие сроки победоносно переросла бы в гражданскую войну. Фактически стихийные действия масс против нацистской оккупации направлялись именно в этом направлении до того, как сталинизм и мировой капитализм, проявив исключительное единство, вернули его в царство империалистической войны посредством движений национального характера».

Мунис продолжает: «Сегодня [в 1947 г.] сама Европа полностью оккупирована Большой тройкой [США, Англия, СССР]. Оккупация – это свойство не того или иного отдельного империализма, а свойство империализма как мирового фактора, характерного для нынешней эпохи, и определение “империалистическая” включает и русскую контрреволюцию».

В заключение он прямо заявляет: «С преступным уничтожением испанской революции, главным образом благодаря сталинизму, и с началом империалистической войны завершился период, начавшийся с окончания предыдущей империалистической войны и триумфа Русской революции».

Lotta comunista, декабрь 2023 г.

Гиганты Азии

Большой Залив Гуандуна требует от

Наш анализ китайского *однопартийного плюрализма* основывается на марксистской теории демократии как *наилучшей оболочки буржуазной диктатуры* и ленинской концепции *империалистической демократии* как «реакционной демократии» – наилучшей оболочки капитализма, ставшей реакционной на его империалистической стадии.

Целый пласт анализа касается утверждения демократии как политической формы мирового империалистического развития и кажущегося китайского исключения. В соответствии со своей классовой сущностью китайское государство осуществляет централизацию плюрализма политических волей доминирующих групп и фракций буржуазии, что является законом империалистической демократии. Тем не менее этот процесс происходит в особенных формах партии-государства, то есть в рамках китайского варианта плюралистической централизации, которые заданы почти столетними политико-институциональными особенностями и родовыми муками цикла государственного капитализма и его интернационализации при правлении КПК.

Следовательно, ещё один пласт анализа касается истории и развития специфических форм политической власти китайской буржуазии и структуры государственных властей, которые являются её выражением внутри однопартийной оболочки.

Политические формы и классовое содержание

В конечном счёте пласт политическо-го анализа касается конкретной почвы

борьбы, которая исторически ухватывает степень эффективности тех или иных форм для обеспечения функционирования современного государства. Время от времени столкновение по поводу форм китайского государства и, следовательно, демократии в Китае становится не просто академической дискуссией, но и конфликтом между фракциями и политическими течениями, развивающимся в моменты формирования этой демократии (достаточно вспомнить о кризисе на площади Тяньаньмэнь) или по крайней мере в моменты, когда требование демократии является оружием в руках действительных сил.

Следовательно, вопрос демократии ставится в конкретных терминах и сегодня по-прежнему остаётся одной из дилемм однопартийного плюрализма перед лицом масштабов социальных изменений в Китае; перед лицом политических сражений, которые периодически потрясают государственные формы, захватывая внутренний плюрализм провинций, военных округов и баланс властей в рамках коллективного лидерства; наконец, перед лицом кризиса мирового порядка, спровоцированного вторжением Дракона. Эти колоссальные испытания касаются всех задач, возложенных на буржуазное государство, в том числе и в Пекине, в отношении рабочего класса, обособленных шагов отдельных капиталистов и, наконец, в рамках противостояния между государствами.

Кроме того, это касается как минимум двух узлов, отметивших китайскую историю, а именно: во-первых, когда политические силы опирались на широкие внутренние социальные изменения в поиске массовой базы для поддержки своей борьбы за власть; во-вторых, когда внутренние и внешние силы переплетались друг с другом или в использовании иностранными державами внутренних разломов, или в поиске внутренними течениями лазеек в международных взаимосвязях, что можно наблюдать и сегодня в действиях «американской партии», «европейской партии», «японской партии» и т. д. в Китае.

Школа Тяньаньмэнь в изгнании

Подтверждением являются размышления Чжэн Юнъяня, основателя Института международных отношений Гонконга в Шэньчжэне и теоретика «фактического федерализма» в Китае. Мы достаточно давно следим за позицией этого автора, родившегося в Чжэцзяне, но перебравшегося в Гуандун – провинцию, что защищала Дэн Сяопина во время культурной революции, а затем через фигуру Чжао Цзыяна получила главенство в Китае, которое затем уступила Шанхаю после поражения на площади Тяньаньмэнь. В предисловии к книге 2023 г. «*Civilization and the Chinese Body Politic*» Чжэн вспоминает, как был пекинским студентом в 1989 году: «Тогда все мы верили, что западная демократия была неизбежностью и в интересах Китая». Правда, оставив учёбу в Пекине и поступив в 1990 году в Принстон, как и «многие бывшие китайские госслужащие и академики», Чжэн пришёл к иной концепции: в Китае «развитие и демократия» реализуются не «одновременно», а «одно за другим». Он писал: «Дальнейший экономический прогресс неизбежно углубит связи в отношениях государство – общество, что подтолкнёт Китай в сторону демократии» («*Development and Democracy*», 1994).

Это был первый шаг в размышлениях, которые приведут Чжэна к формуле

«*демократии с китайской спецификой*», которая отличается от старой дискуссии о демократии, что вели эмигранты 1989 года, и которая может быть сегодня использована Пекином как в полемике с Вашингтоном и погоне за старыми державами (Китай – это демократия, но со своими особенностями, непонятными Западу), так и в отношениях с внутренними течениями, поскольку двусмысленность формулы может предполагать «китайские» политические изменения, что найдут различный выход.

В 1990-е годы в Принстоне Чжэн начал свои исследования «*фактического федерализма*» в Китае, дистанцировавшись от более федералистских тезисов Янь Цзяци, укрывшегося во Франции бывшего советника Чжао Цзыяна. Что касается тезиса о «*внутреннем плюрализме*», Чжэн позаимствовал его у Мо Дамина, основателя Института государственной политики (IPP) Гуандуна, а ныне члена Консультативной конференции провинции – органа кооптации локальных элит.

Плюрализм и разделение властей

Чжэн и Мо пишут, что в отличие от «*внешнего плюрализма*» западной многопартийности политическая система с китайской спецификой посредством однопартийного «*внутреннего плюрализма*» осуществляет представительство, выражение и соперничество интересов, которые влияют на политическую линию государства, и таким образом приобретает характер «*прогрессивной демократической модели*». И ещё: «*Внутренний плюрализм не только интегрирует интересы, но и может обеспечить определённую степень «внутренних сдержек и противовесов» посредством разделения властей*». Речь идёт о «*третьей власти*», фактически восстановленной с антикоррупционной кампанией Си Цзиньпина в лице Центральной комиссии по проверке дисциплины: «*С формальным учреждением надзорной власти Китай сформировал систему разделения и сотрудничества между тремя властями внутри партии, а именно между властью, принимающей решения, исполнительной властью и контролирующей властью*» (IPP, декабрь 2022 г.).

Концепции «*внутреннего плюрализма*» и «*внутреннего разделения властей*», разработанные мозговыми центрами Юга, дополняет политическая практика «*суперпровинции*» «*Большого Залива*» Гуандуна, которая включает также Гонконг и Макао. Чжэн и Мо пишут, что для Китая неизбежностью является «*органическое взаимодействие между единым лидерством и локальными экспериментами*». В 2016 году именно Мо Даоин, член Постоянного комитета Консультативной конференции, выдвинул предложение о создании «*Зоны Большого Залива Гуандун – Гонконг – Макао*», позаимствованное на следующий год премьером Ли Кэцяном и одобренное Центральным комитетом в 2019 году. Похоже, что авторы близки к кругам, принимающим решения в Гуанчжоу, а также в Пекине.

Законы империалистической демократии

Книга Чжэна от 2023 года входит в переведённую на английский язык трилогию о государстве. Любопытно, что эти тезисы, продолжающие циркулировать внутри Китая в виде статей *Global Times* и различных китайских публикаций шанхайских и кантонских экспертов, предлагаются

и для иностранных дебатов, которые могут за них ухватиться. Чжэн пишет, что «*политические изменения в Китае кажутся невозможным предприятием. Однако ни одному китайскому режиму не удавалось установиться навечно*». Встаёт вопрос о демократии: «*В других частях мира всё больше авторитарных режимов в западном смысле этого слова демократизировались. Будет ли Китай двигаться против тенденции и станет ли он исключением?*»

С одной стороны, китайское «*исключение*» относительно демократической «*тенденции*» после второй мировой войны – которая, как мы задокументировали, является эмпирическим законом империалистической демократии – является вопросом и даже ставит под сомнение долголетие «*китайского режима*». Это можно интерпретировать на манер старых течений, которые чётко противопоставляли демократию и главенство КПК, откликаясь на иностранное влияние. По мнению Чжэна, КПК исключает вариант «*демократизации режима*» как раз из-за «*большого страха*», что «*внутренний хаос и внешняя агрессия*» трансформируются в политический кризис, что поставит под угрозу сохранение лидерства партии. С другой стороны, недостаточное следование Китая «*тенденции*» демократизации вызывает такую же неуверенность в устойчивости его политического «*режима*». Получается, требование политических изменений является жизненно важным вопросом.

Демократизация с китайской спецификой

Чжан дистанцируется от старых течений: настоящий вопрос состоит «*не в том, станет ли Китай демократическим, а в том, какой тип демократии будет в Китае*». Это исключает «*западный тип демократии*»: какую бы политическую формулу ни принял Китай, он останется «*цивилизационным государством*» – с помощью этой формулы Чжэн отвечает тезисам Чжан Вэйвэя из шанхайского Университета Фудань. Исключительность китайской модели сохраняется: «*в Китае произошла демократизация без демократии*»; политическая система способна «*вобрать в себя демократические элементы*», без того чтобы стать «*полной демократией*»; хотя Китай остался «*однопартийной системой*», он показал свою «*институциональную гибкость*»; подобно своей «*смешанной [государственно-частной] экономике*» Китай сформировал «*настоящий смешанный режим*». Это означает, например, сосуществование «*прямой демократии на местах*» с «*непрямой демократией на национальном уровне*».

Вывод предполагает два сценария: в основном, «*покуда КПК остаётся у власти, Китай останется смешанным режимом*». Если же Китай «*пойдёт по пути*» других азиатских демократий, таких как Южная Корея, Япония или Тайвань, «*тогда откроются все другие возможности*». Гипотетически это не исключено: «*Если другие восточноазиатские общества могут демократизироваться, нет смысла исключать [демократизацию в] Китае*». В истории страны уже происходили эти процессы, однако краткий период «*парламентской демократии*» после падения династии Цин оказался «*провалом*», и Китайская республика была уничтожена «*милитаристами*» и мировыми войнами.

Политическая демократизация сверху

Из четырёх вариантов, завершающих книгу, Чжэн исключает два: политиче-

Степлов Ю.М.

Первый интернационал: Международное товарищество рабочих. 1864-1872

512 стр., твёрдый переплёт, издание дополнено предисловием издателя, биографией автора, приложением из документов Первого Интернационала, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к данной тематике, а также статьёй Д.Б. Рязанова «Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала»

(из книги: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924), хронологией, фотографиями, биографическим справочником, перечнем упомянутых в книге периодических изданий и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Пекина демократии для провинций

ские изменения, вызванные внешними силами, что крайне маловероятно из-за военной мощи, достигнутой Драконом, и крах «сверху вниз» по образцу СССР, что не невозможно, но маловероятно. Риск был «реальным» в 1989 году, когда произошла «борьба наверху» между Ли Пэном и Чжао Цзяном: неявно Чжэн извлекает из тех событий тот же урок, что в своё время извлёк Дэн Сяопин, навязавший вариант «авторитарной демократии», гарантированной КПК, против «демократии улицы».

Автор продолжает, рассматривая другие два сценария политических изменений: гипотеза революции «снизу» и более «реалистичное» предположение о либерализации «сверху». Однако Чжэн предупреждает, что «социальные кризисы и внешние шоки» могут вызвать борьбу за власть и изменение формы государства, что в условиях «реальной политики» требует сочетания двух сценариев. В остальном, каким образом должны проявиться «силы политических изменений», вызванные реформами и открытостью, рыночной экономикой и глобализацией, «капитализмом и классовыми различиями». «Вопрос в том, какое политическое изменение последует за слиянием всех этих сил».

Демократизация и классовая борьба

Возможность для буржуазии использовать в политических целях социальную борьбу является объективной базой тенденции к демократизации диктатуры капитала, так что не случайно, что эту тему затрагивают в размышлениях о «типе демократии», который можно развить в Китае.

Чжэн пишет, что с открытием мирового рынка «Китай вошёл в фазу сопротивления и народного восстания, если не революции». С одной стороны, это связано с «капиталистической индустриализацией». В прошлом китайские лидеры посчитали исторической необходимостью «учиться» у капиталистических стран, а ныне, «согласно этой же логике, Китай не может избежать движений рабочего класса». Глобализация, в том числе в коммуникациях, ставит акцент на этом факторе. С другой стороны, классовая борьба пересекается с политической борьбой за «построение государства» и «консолидацию» его власти и захватывается «борьбой за власть между центром и провинциями», которые вокруг фискального вопроса собирают напряжённость по поводу экспроприации земель, статуса рабочих-мигрантов и в целом социальный метаболизм государства всеобщего благосостояния и городской социал-демократизации. Более того, это придаёт национальную значимость борьбе и столкновениям, которые пусть и распространены, но могли бы не выходить за пределы местного уровня.

В интересной заметке по поводу хода классовой борьбы в Китае Чжэн пишет, что китайская политическая структура – де-юре унитарная, но «де-факто федеральная» – имеет преимущество, поскольку большинство «беспорядков» являются местными и запросто изолируемыми провинциальными властями – главными блюстителями порядка. «Если хаос возникает в некоторой данной зоне, то он должен быть удержан в границах этой зоны». Вторым преимуществом для китайского государства является характер рабочей борьбы, цели которой в большинстве случаев являются «материалистическими», то есть экономическими. Правительству «действует быстро, чтобы изолировать главарей и организаторов»,

а тем временем ищет «компромисса» с манифестантами по поводу ряда непосредственных требований: занятость, здравоохранение или «другие преимущества». «Покуда их цели будут материальными, режим будет способен найти способ сдержать и контролировать социальные движения и заключить их в определённые границы».

Слабое лидерство Ху Цзиньтао

Если одной из гарантий режима является тред-юнионистский уровень рабочей борьбы, то одним из основных моторов «политического изменения» является борьба между буржуазными фракциями, проявляющаяся в трениях между Пекином и провинциями и между разными провинциями.

После кризиса 1989 года тогдашний глава Шанхая Цзян Цзэминь стал «компромиссным кандидатом между Восьмью бессмертными партии», однако впоследствии ловко консолидировал своё лидерство, нанеся поражения ряду своих политических оппонентов: председателю Ян Шанкуню, его брату армейскому генералу Ян Байбину, мэру Пекина Чэнь Ситуну, председателю парламента Цяо Ши, главе Консультативной конференции Ли Жуйхуаню и главе Дисциплинарной комиссии Вэй Цзяньсину. Передача власти от Цзяна к Ху Цзиньтао в 2002 году, однако, была частичной, и Ху был вынужден призвать Шанхай к дисциплине, отстранив секретаря Чэнь Ляньюя. По мнению Чжэна, в ответ на ограниченные возможности своего лидерства «Ху решил децентрализовать власть в пользу сильных местных лидеров», открыв дорогу Бо Силаю в Чунцине и Ван Яну в Гуандуне.

Дэн исключил из китайской модели «сдержки и противовесов» и «разделение властей» по западной модели, по крайней мере на ближайшее будущее. Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао закрепили практику «коллективного лидерства» как равновесия властей с помощью ряда неявных и явных норм, чтобы удержать борьбу в высших эшелонах власти «в определённых рамках»: квоты мест для определённых провинций в Политбюро, ограничения по возрасту и срока мандата в зависимости от занимаемой должности, возможность для потерпевших поражение лидеров «уйти с почётом». XVII съезд КПК в 2007 году установил компромисс формулой «первым делом внутривластная демократия, а социальная демократия потом», однако Ху Цзиньтао не был способен её упрочить.

Дилеммы централизации

Чжэн возвращается к двум историческим ограничениям демократизации в Китае: во-первых, когда он «начал модернизироваться», уже наступила «эпоха империализма», и Пекин был вынужден отдать «максимальный приоритет выживанию страны в ущерб индивидуальным свободам и демократии»; во-вторых, в своей новейшей истории Китай столкнулся с «дилеммой между централизацией и децентрализацией». Децентрализация необходима для модернизации: достаточно вспомнить о стратегии «реформ и открытости», которая отдавала предпочтение прибрежным провинциям и таким образом создавала центробежную тягу.

Уже во время налоговой реформы 1994 года, которая изменила долю отчислений в центральный бюджет, «местное сопротивление было сильным»; при председательстве Ху Цзиньтао дилемма снова встала в повестку дня, открывая

дверь местным «олигархиям». По этой причине проведённая Си Цзиньпином с 2012 года централизация, хотя и «рассматривалась как легитимная и необходимая» и даже «восстанавливающая систему из трёх властей», только «усугубила» дилемму децентрализации и в конечном счёте трения между центром и провинциями.

«Демократия провинций»

Эта оценка имеет вес по крайней мере по двум причинам: с одной стороны, потому что она является частью текущих политических дебатов на высоком уровне в Китае; с другой – потому, что она имеет связь с реальными политическими силами в самих провинциях. При Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао, пишет Чжэн, большинство членов ЦК КПК составляли представители более богатых прибрежных провинций Чжэцзян, Цзянсу, Шанхай, Шаньдун и Хэбэй, что «сильно не устраивало» материковые провинции. Отметим также непредставленность Гуандуна – динамичной провинции Чжао Цзяна, далёкой от Пекина и исключённой из процесса принятия решений в центре на некоторое время после поражения протестов на площади Тяньаньмэнь, покуда Чжао отбывал свою ссылку в Запретном городе.

По словам Чжэна, в этих условиях нарушения равновесия на Пекин оказывалось сильное давление, чтобы сделать «более демократическими» отношения между центром и провинциями и «более равно распределять политическую власть между провинциями». Это несоответствие в политическом весе, однако, не исправилось, а даже «усугубилось» при Си Цзиньпине, поскольку его властная коалиция продолжала опираться на представителей Фуцзяни, Чжэцзяна и Шанхая. Отметим, что таким образом в «демократии провинций» Чжэна сходится необходимость большего равновесия в китайском «фактическом федерализме», а также особые требования исключённых провинций.

Диалектика армии Чжэцзяна

После ареста Бо Силая и кооптации Ван Яна лидерство Си опиралось на доверенных людей из «армии Чжэцзяна» – провинции на южном конце Великого канала, которая на протяжении веков была связана с Пекином речным сообщением и испытывала враждебность к морским «пиратам» Фуцзяни. В XX веке капиталистическое развитие вывело Чжэцзян на орбиту Шанхая: с одной стороны, он стал индустриальным сердцем и банковским клиентом, а вскоре интернационализировался как мировой экспортный хаб и родина больших и малых торговцев – от Alibaba до «Чайнатаунов»; с другой – он стал политическим младшим партнёром, зависимым от Шанхая в получении доступа к Пекину, но также получавшим преимущество, когда у власти были представители Шанхая. Эта экспортно ориентированная и либеристская провинция, естественно, сегодня уделяющая большее внимание «общему процветанию» внутренне-го рынка, впервые смогла возглавить страну через фигуру Си Цзиньпина, а выходец из Чжэцзяна Ли Цян стал секретарём Шанхая и впоследствии китайским премьером. Другие представители провинции получили различные должности национального уровня, уравновешенные в свою очередь другими назначениями в рамках плюрализма мандаринов, согласно логике «пяти озёр и четырёх морей», которую ни одна провинция не в силах выразить в одиночку.

В одной из предыдущих статей мы рассматривали тезисы Чэн Ли из Бруклинского университета, согласно которым, суперпровинции, собранные вокруг Пекина, Шанхая, Гуанчжоу и Чунцина получили «децентрализованную власть, чтобы преследовать различные подходы в своих кластерах», именно потому, что возглавлялись «доверенными лицами» Си. Так, нынешний секретарь Гуандуна Хуан Куньмин работал вместе с Си в Фуцзяни и Чжэцзяне и сотрудничал с ним в Zhejiang Daily в 2000-е годы.

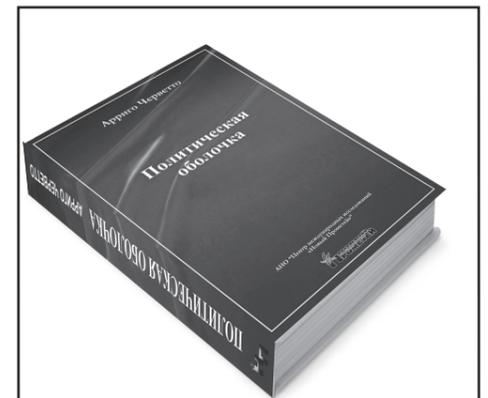
И из Пекина дороги ведут в Рим

Показательно, что выступления Хуана и Чжэна на пекинском «Международном форуме демократии» 2021 года связывают вопрос демократии с дилеммами китайской централизации. Чжэн считает, что «демократия в одной стране проявляется в различных формах в различные периоды, и каждая страна имеет собственный метод построения демократии. Демократия стабильна, когда совместима с экономической, социальной и культурной ситуацией в стране. Демократия существует дольше, если рождается внутри, а не навязывается внешними силами. Если демократия – это Рим, то все дороги могут привести в Рим».

Хуан подтверждает, что «не существует единой для всех демократии», но уточняет, что китайская модель «народной демократии внутреннего процесса» является «настоящей демократией, которая работает». Формула, введённая в оборот на XVIII съезде КПК в 2012 году, называет «централизованное и крепкое лидерство» предварительным условием для «внутрипартийной демократии» и, следовательно, политической модернизации, направляемой сверху, с необходимым уровнем централизации.

В своей книге Чжэн разоблачает «сверхцентрализацию» при Си Цзиньпине, которая «сократила степень внутривластной демократии», что «является как раз слабостью Китая, а не его силой», так что в долгосрочной перспективе Пекин должен будет «восстановить» противоположное движение. «Демократия провинций» может стать одним из путей, однако, он обязательно будет проходить через Пекин, а может стать фактором нарушения равновесия в политических формах плюрализма мандаринов.

Lotta comunista, февраль 2024 г.

Ариго Черветто ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБОЛОЧКА

326 страниц, мягкий переплёт,
примечания, биографический
справочник, алфавитный указатель.

ISBN: 978-2-912639-28-8

Цена 250 руб.

Ракеты и коридоры в ребусе Газы и пакистанском кризисе

«Последние сорок лет я провёл на Среднем Востоке, занимаясь им, и редко когда видел его таким запутанным и взрывоопасным», – заявляет нынешний директор ЦРУ и карьерный дипломат Уильям Бёрнс со страниц *Foreign Affairs*. Происходящее в регионе – следствие кризиса порядка: «война на Украине положила конец периоду после холодной войны», Китай пытается «перестроить международный порядок», средние державы диверсифицируют свои внешние связи, «сотрудничая одновременно и с США, и с Китаем», а война в Газе укрепила иранский режим, «готовый сражаться, используя на полную своих региональных прокси-акторов». Это делает «переговоры с Тегераном» крайне важными для обеспечения региональной и израильской безопасности.

По мнению Бурханеттина Дурана, директора базирующегося в Анкаре мозгового центра SETA, который очень близок к администрации Реджепа Тайипа Эрдогана, позиция Бёрнса отражает пределы способности США управлять или определять новый региональный порядок.

«Битва сдерживания»

Непрямой конфликт с Тегераном от Красного моря до Ирака и Сирии представляет собой «битву сдерживания», ведущуюся с помощью ракет, ополчений и дронов; в неё оказался вовлечён и Пакистан – ядерная держава, где электростанция эпопея завершилась 8 февраля с парадоксальным и потенциально хаотичным результатом.

По мнению Дурана, амбиции Вашингтона осуществить «крупную стратегическую перестройку на Среднем Востоке», так называемая «доктрина Байдена», изложенная Томасом Фридманом в *New York Times*, недооценивают то обстоятельство, что США «не могут иметь достаточно сильного присутствия, чтобы создать средне-восточный порядок»; «интересов России и Китая» тоже будет недостаточно для установления стабильности. Поэтому он возлагает на плечи региональных держав – Турции, Саудовской Аравии, Египта, Катара и ОАЭ – задачу «запустить новую инициативу и построить механизмы», чтобы остановить столкновения и «создать новый мирный порядок». В остальном Анкара недавно укрепила свои экономические отношения с Тегераном вслед за визитом иранского президента Ибрахима Раиси в январе, поддерживает отношения с Израилем, несмотря на острую пропалестинскую риторику Эрдогана, и продолжает свой курс на разрядку с державами Залива.

«Огненный пояс» Тегерана

Как мы заметили несколько месяцев назад, одним из последствий кризиса в Газе стало утверждение роли региональных неарабских держав вокруг палестинского вопроса и, следовательно, региональных балансов («Дипломатия региональных держав в войне в Газе» // Пролетарский интернационализм. № 111. Декабрь 2023 г.). На четвёртый месяц конфликта число жертв достигло почти 30 тыс., однако израильское правительство не намерено останавливать военные операции в секторе Газы, несмотря на давление Вашингтона, в том числе из-за внутренних противоречий в Тель-Авиве. При этом многие эксперты отмечают, что от ситуации выиграет Тегеран.

Как утверждает, опять же со страниц *Foreign Affairs*, директор иранской программы International Crisis Group (ICG) Али Ваэс, война в Газе позволила Ирану получить очевидные преимущества: «Она отложила, и это в лучшем случае, дипломатическую нормализацию» между Эр-Риядом и Тель-Авивом, «которая угрожала ему очередной изоляцией» после дипломатического сближения с Саудовской Аравией, а также продемонстрировала «полноту и эффективность» Оси сопротивления. Главный архитектор этой оси генерал Пасдарана Касем Сулеймани, убитый американским дроном в Багдаде в 2020 году, называл её иранским «огненным поясом» вокруг Израиля. Это инструмент влияния Тегерана и в то же время его «передовое сдерживание», защищающее территорию страны, в особенности ядерные объекты.

Тем не менее, утверждает Ваэс, иранское руководство преследует линию «стратегического терпения»: оно хочет избежать какого бы то ни было прямого конфликта с Вашингтоном и, по сути, не готово «пожертвовать Хезболлой» или своей региональной сетью, «чтобы спасти ХАМАС». Атака 7 октября застала его врасплох, заморозив попытки возможной разрядки с Вашингтоном, начатые в 2021 году. Таким образом, Иран действует как «неуверенный и защищающийся игрок». Вашингтон в попытке сдержать Израиль, не позволяя ему осуществить превентивный удар по Ливану против Хезболлы, вынужден осуществлять сдерживание своими силами, собирая силы в Восточном Средиземноморье и производя интервенции в Йемене и Ираке. Тегеран, пусть и обладает внушительным и всё более технологичным ракетным арсеналом и способностью зажигать очаги кризисов в регионе, осознаёт свою относительную военную слабость и принимает во внимание внутренние социальные трения, проявляющиеся в столкновении политических течений. А скоро выборы в меджлис.

Политическое сдерживание и «just in time»

Ваэс предупреждает, что Иран очень близок к «условиям прорыва», как это называют специалисты по ядерному распространению, то есть к обладанию пятью действующими ядерными боеголовками мощностью около 10–20 килотонн, размещёнными на баллистических ракетах средней дальности (2.500 км), разработанных на основе северокорейских моделей. Другие американские источники в 2021 году писали, что Тегеран находится в положении «just in time», то есть готов собрать свой арсенал в случае необходимости. Прежде всего речь идёт о «политическом оружии», уточняет Ваэс, которое Тегеран может применить, если посчитает, что американское сдерживание превзойдёт определённый уровень.

В марте 2023 года глава Объединённого комитета начальников штабов США Марк Миллз заявил Конгрессу, что политика Вашингтона по-прежнему заключается в том, чтобы Иран не обладал «развёрнутым ядерным оружием». Это формула, которая позволяет предположить терпимость Америки к Ирану, обладающему ядерным оружием *де-факто*, но не *де-юре*. Это то же условие, которое было одобрено для Израиля, – «арсенал в подвале», который может быть использован только в каче-

стве последнего стратегического средства в случае экзистенциальной угрозы еврейскому государству.

«Доктрина Байдена» между Тегераном, Эр-Риядом и Газой

Это условие, которое может быть применено в будущем к соглашениям с Саудовской Аравией – одной из «трёх платформ» «доктрины Байдена», о которой говорит Фридман. Два других – это противодействие иранскому региональному влиянию и нормализация отношений между Эр-Риядом и Тель-Авивом при условии официальной приверженности Израиля решению о двух государствах. Предлагаемая американцами связь между палестинским государством и нормализацией отношений с Эр-Риядом представляет собой как кнут, так и пряник, используемые для формирования позиции Израиля, но это также один из самых сложных фрагментов средневосточной головоломки.

Как комментирует дипломатический корреспондент *Le Figaro* Изабель Ласер, «похороненная после крушения соглашения в Осло в 1993 году» гипотеза о двух государствах оказалась «экскумурирована» кризисом в Газе с палестино-израильским конфликтом, ошибочно расценённым как «полузамороженный». Правительство Биньямина Нетаньяху не в восторге от этой гипотезы и, чтобы предотвратить её реализацию, содействовало «колонизации Западного берега реки Иордан», который превратился в «сыр» с присутствием 450 тыс. поселенцев. Как считает бывший посол Израиля во Франции Эли Барнави, конфликт в Газе «расширяет раскол между Западом и Глобальным Югом». Это позволяет ревизионистским державам – «Китаю, России и Ирану» – «выйти в дамки, используя американскую пешку в регионе» в лице Израиля, в то время как Вашингтон испытывает сложности в «создании региональной коалиции». Однако вариант создания двух государств лучше, чем другие альтернативы: «апартеид» в отношении палестинцев, в том числе 20 % израильских арабов, или «гражданская война» внутри еврейского государства.

Ракеты, коридоры и урны

Для проведения региональной организации, согласно задумке Штатов, нужно также разыграть карту китайско-индийского соперничества. На сентябрьском саммите Большой двадцатки в Нью-Дели Байден поддержал проект экономического коридора Индия – Средний Восток – Европа (ИМЕС) как элемент Соглашений Авраама, расширенных на Саудовскую Аравию: «это хлопковый коридор», конкурирующий с «шёлковыми путями» Пекина. Индия уже сегодня имеет присутствие в порте Хайфа (Израиль) в лице группы Adani, но в то же время Израиль заинтересован и в китайских капиталах.

По словам замдиректора парижского Фонда стратегических исследований (FRS) Брюно Тертре, при помощи своей многовекторной политики и соперничества с Пекином Нью-Дели надеется воспользоваться китайским экономическим восхождением, чтобы найти пространство и для себя. Одновременно он готов к большому сближению с Вашингтоном вокруг Юго-Восточной Азии, чтобы получить взамен «возросшее влияние» в Персидском заливе и на Среднем Востоке, ко-

торые ревниво «охраняет» CENTCOM (Центральное командование ВС США). Здесь проекция Пекина проходит через «стратегический треугольник», установившийся с 1980-х годов, в лице Китая, Саудовской Аравии и Пакистана (*La guerre des mondes*, 2023), а также, как можно добавить, через связи с Ираном.

Обмен ракетами между Ираном и Пакистаном 16–18 января произошёл в приграничном Белуджистане – области, разделённой в 1947 году между Ираном, Афганистаном и Пакистаном и с 1970-х годов являющейся ареной трений вокруг ирредентизма белуджей – персоязычного населения, исповедующего суннитский ислам и борющегося против обоих правительств в Исламабаде и Тегеране. С иранской стороны военные действия были направлены на то, чтобы нанести удар по тем, кто предположительно несёт ответственность за кровавый теракт в Кермане 3 января, но также были восприняты как сигнал по всем направлениям.

По мнению лондонского IISS (Международный институт стратегических исследований), «выверенные» ответные действия Пакистана, в свою очередь, являются «непрямым посланием Индии»: Исламабад подозревает Нью-Дели в поощрении белуджского ирредентизма, чтобы помешать Китайско-пакистанскому экономическому коридору (СРЕС) – проекту, в центре которого находится порт Гвадар в пакистанском Белуджистане. По мнению Чжао Минхао из Института Чархар, Индия рассматривает СРЕС как часть стратегического окружения, осуществляемого Драконом. Как бы то ни было, китайское экономическое проникновение «меняет внутренний баланс между различными этническими, религиозными группами и местными силами»: одним из примеров может служить как раз порт Гвадар, который меняет отношения между провинцией Белуджистан и Пенджабом – основой пакистанского государства (*One Belt, One Road*, 2020). Индийская контрмера, по мнению сингапурской газеты *Straits Times*, заключается в поддержке развития порта Чабахар в иранском Белуджистане как «потенциального конкурента порта Гвадар».

Канун выборов, безусловно, повлиял на решения Исламабада, который переживает политический кризис, начавшийся весной прошлого года с отстранением от власти и арестом популистского премьера Имрана Хана, обвинённого в коррупции. Операция была организована вооружёнными силами – историческим арбитром власти в стране. Партия Хана «Движение за справедливость» получила относительное парламентское большинство – около 100 депутатов из 265. Генералы в Равалпинди, где находится штаб-квартира генерального штаба, могут разыграть карту коалиционного правительства, но получить проблему легитимности. По мнению крупных пакистанских газет, в стране с населением 244 млн человек и средним возрастом 20 лет было бы разумнее сделать выбор в пользу «национального примирения», чтобы «протестное голосование» не переросло во «враждебность государству». В условиях переплетения кризисов порядка крупный кризис в такой ядерной державе, как Пакистан, может иметь широкие последствия.

Выборы в США

Колеблющиеся штаты и независимые избиратели

В 2020 году Дональд Трамп проиграл выборы Джо Байдену, набрав 232 голоса выборщиков. Разница между результатами кандидатов в пяти штатах (Пенсильвания, Джорджия, Мичигане, Аризоне и Висконсине) составила 2,3 % голосов избирателей, что соответствует 73 голосам выборщиков. Если бы Трамп победил в этих штатах, то мог бы получить 305 голосов выборщиков, что превышает 270 голосов, необходимых для завоевания президентского поста. В ноябре битва будет сосредоточена именно в этих штатах, которые называются колеблющимися (*swing states*).

Колеблющиеся штаты

Колеблющимися штатами называются те, которые от одних президентских выборов к другим могут отдавать предпочтение то одной партии, то другой, в отличие от большинства штатов, которые постоянно отдают большинство голосов одной партии. Согласно электоральному тренду последних двух десятилетий, с 2000 по 2016 год 38 штатов всегда голосовали за одну и ту же партию. Старший научный сотрудник Бруклинского института Джон Худак объясняет: «Наша президентская избирательная система создана для того, чтобы сделать штаты наиболее важными юрисдикционными единицами при голосовании» (*History Channel*, 7 октября 2020 г.).

В американской избирательной системе, основанной на голосах выборщиков от штатов, а не на голосах избирателей, имеет значение каждый голос. Минимальные колебания могут изменить окончательный результат выбора президента. Гарри С. Трумэн победил Томаса Дьюи в 1948 году, выиграв с перевесом менее 1 % при голосовании избирателей в штатах Огайо, Калифорния и Иллинойс. Эта минимальная разница привела к тому, что газеты преждевременно и ошибочно объявили Дьюи победителем. В ходе противостояния между Ричардом Никсоном и Джоном Кеннеди в 1960 году последний выиграл в 10 штатах с перевесом менее 2 %. В 2000 году результаты выборов зависели от того, кто победит во Флориде, что и сделал Джордж Буш с перевесом всего в 537 голосов избирателей.

Поскольку «колеблющиеся штаты определяют президентскую кампанию», говорит Худак, партии концентрируют около 3/4 своих финансовых, организационных и пропагандистских усилий именно на колеблющихся штатах.

Более двух десятилетий назад говорить о «красных» (республиканских), «синих» (демократических) и «фиолетовых» (колеблющихся) штатах не имело смысла. Однако с 2000 года в поведении штатов установилась электоральная стабильность, и телеканалы ввели эти цвета для удобства зрителей. Например, Нью-

	2016 Экзитпол				2020 Экзитпол				2020/2016		Колеблющиеся	Изменение кол-ва голосов избирателей	Кол-во голосов выборщиков		Кол-во голосов избирателей		Изменение кол-ва голосов избир.	
	% нез.	Клинтон	Трамп	Др.	% нез.	Байден	Трамп	Др.	Байден	Трамп			Байден	Трамп	Байден	Трамп	%	
Пенсильвания	20	41	48	11	19	52	44	4	+11	-4	15	-105	20	3.458,2	3.377,7	80,5	2,3	
Мичиган	29	36	52	12	23	51	45	4	+15	-7	22	-76	16	2.804,0	2.649,9	154,1	5,5	
Висконсин	30	40	50	10	31	54	42	4	+14	-8	22	-123	10	1.630,9	1.610,2	20,7	1,3	
Джорджия	30	41	52	7	28	53	44	3	+12	-8	20	-126	16	2.473,6	2.461,9	11,7	0,5	
Аризона	40	44	47	9	39	53	44	3	+9	-3	12	-202	11	1.672,1	1.661,7	10,4	0,6	
Всего											-632	73	12.038,8	11.761,4	277,4	2,3		

% нез. = доля голосов независимых кандидатов в общем количестве голосов избирателей; данные об общем количестве голосов избирателей выражены в тысячах.

Источник: наша обработка данных экзитпола CNN.

Йорк последний раз голосовал за республиканцев в 1984 году, и с тех пор он всегда был демократическим («синим»). Техас последний раз голосовал за демократов в 1976 году, и с тех пор он всегда был республиканским («красным»). Искусство электоральных стратегов кандидатов в президенты заключается в их способности выявить колеблющиеся штаты, а внутри них – сегменты колеблющихся избирателей, на которых следует сосредоточить свою энергию.

Демократия денег

New York Times от 30 января пишет, что возглавляемый Байденом Super PAC (суперкомитет политической активности) Future Forward планирует исторический рекламный блиц на 250 млн. долл., которые будут потрачены на рекламу на телевидении и цифровых сервисах в колеблющихся штатах, что станет крупнейшей покупкой политической рекламы в истории США. OpenSecrets объясняет, что PAC – это политический комитет, который собирает и тратит деньги для избрания или нанесения поражения кандидату. Большинство PAC представляют корпорации (такие как Microsoft PAC), профсоюзы (например, Teamsters PAC), или идеологические интересы (EMILY's List PAC или National Rifle Association PAC). PAC конкретной организации собирает деньги с сотрудников или членов групп и делает пожертвования кандидатам и политическим партиям. OpenSecrets, к данным которой мы обращаемся, – это некоммерческая организация со штаб-квартирой в Вашингтоне, округ Колумбия, отслеживающая и публикующая данные о финансировании избирательных кампаний и лоббировании.

Super PAC – это новый тип политических комитетов, возникший после решения Верховного суда в июле 2010 года. Технические являющиеся независимыми комитетами, занимающимися только расходами, Super PAC могут собирать неограниченные суммы денег от корпораций, профсоюзов, ассоциаций и частных лиц за или против кандидатов. В отличие от традиционных комитетов, Super PAC запрещено жертвовать деньги напрямую кандидатам, и их расходы не обязательно должны быть скоординированы с расходами кандидатов, которые получают от них выгоду. По состоянию на 1 февраля 1.919 групп, организованных как Super PAC, сообщили об общих доходах на сумму 815 млн. долл. и общих расходах в размере 187 млн долл. на цикл 2023–2024 годов.

Future Forward USA PAC (также известный как FF PAC) – это Super PAC, поддерживающий Демократическую партию и базирующийся в Пало-Альто, Кали-

форния. *Make America Great Again Inc.* (MAGA) – это Super PAC Трампа, потративший на данный момент 48 млн. долл. В запутанных джунглях американского финансирования избирательных кампаний Super PAC не участвуют в прямом сборе средств предвыборными комитетами кандидатов. На данный момент предвыборный комитет *Donald J. Trump for President 2024* собрал 76 млн долл., а комитет *Biden for President* – 92 млн долл.

Однако в этой статье нас интересует не подробный анализ финансирования, поскольку реальная избирательная кампания только началась, а порядок сумм, поставленных на карту в *демократии денег*, и ответ на вопрос, почему Future Forward решил потратить эту колоссальную сумму в пользу Байдена в колеблющихся штатах.

Future Forward потратит 140 млн долл. на телевидение и 110 млн долл. на цифровые и потоковые платформы, начиная со следующего дня после завершения августовского Национального съезда Демократической партии. Резервирование рекламы охватывает 7 штатов, которые считаются основным полем президентских сражений: Аризона, Джорджия, Мичиган, Невада, Северная Каролина, Пенсильвания и Висконсин. В нашем анализе (см. *таблицу*) мы не рассматривали Неваду, в которой в 2016 и 2020 годах выиграла демократы, и Северную Каролину, завоеванную на тех же двух выборах республиканцами, потому что они уже не колеблются. Вместо этого мы сосредоточились на остальных 5 штатах, которые перешли от республиканцев к демократам.

Поскольку Республиканская партия, похоже, снова выдвинет кандидатуру Трампа, пишет газета *New York Times*, демократы надеются, что их созвездие Super PAC даст партии значительное финансовое преимущество. Деньги не являются достаточным условием для победы, но, безусловно, являются необходимым.

Колеблющийся сегмент: независимые

По данным опроса Gallup от 12 января, посвященного самоидентификации американских избирателей, в 2023 году 43 % назвали себя независимыми и по 27 % – демократами (исторический минимум) и республиканцами. По данным Pew Research Center от 20 марта 2018 года, только 10 % избирателей являлись по-настоящему независимыми, то есть не подверженными влиянию двух партий, тогда как остальные тяготеги либо к одной, либо ко второй. Эти цифры свидетельствуют об ослаблении идеологического контроля партий над

массами избирателей, что приводит к частичному колебанию последних.

Из-за их растущего веса мы сосредоточили анализ на независимых, то есть потенциально колеблющихся, избирателях из колеблющихся штатов. По нашим подсчетам, в указанных пяти штатах, где Байден победил в 2020 году с преимуществом в 277 тыс. голосов, в период с 2016 по 2020 год от Трампа к Байдену перешло 632 тыс. независимых голосов. Если исключить Мичиган, где количество колеблющихся независимых было ниже преимуществ Байдена, то в остальных штатах смена их предпочтений принесла Байдену 57 голосов выборщиков: если бы они перешли к Трампу, то, прибавившись к 232 голосам выборщиков, полученным кандидатом от республиканской партии, принесли бы ему победу с 289 голосами.

Наше рассуждения находят подтверждение в некоторых СМИ. Как сообщила *The Hill* от 30 января, в то время как большинство республиканцев проголосуют за Трампа, а большинство демократов за Байдена (при условии, что оба кандидата будут выдвинуты своими партиями), победители определяют независимые избиратели.

По мнению Меррилла Мэтьюза из Institute for Policy Innovation в Далласе, штат Техас, расширение блока независимых избирателей в сочетании со старостью Байдена, конфликтующего с Трампом, и проблемами с законом у последнего делает исход выборов неопределенным. Голоса высокомотивированных республиканцев и демократов не будут решать исход выборов, это сделают голоса независимых избирателей, которых становится всё больше.

Редакция *Wall Street Journal* написала 24 января, после праймериз в Нью-Гэмпшире, что результат Трампа, победившего в этом штате с преимуществом примерно в 11 % голосов, оказался хуже, чем показывали последние опросы; популярность его оппонентки Никки Хейли среди независимых избирателей выявила огромную слабость Трампа как кандидата от республиканской партии. За Трампом стоит большинство его партии, но его привлекательность для электората остаётся ограниченной, как и в 2020 году, когда он проиграл выборы.

Как мы уже писали в одном из предыдущих выпусков нашей газеты (Абсентеизм афроамериканцев – кошмар демократов // Пролетарский интернационализм. № 100. Январь 2023 г.), ещё одним решающим элементом ноябрьских президентских выборов станет голосование чернокожих.

ПАРТИЙНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ	1950	2000	2023
	Демократическая	45%	33%
Республиканская	31%	28%	27%
Независимая	18%	30%	43%
Другая	6%	9%	3%
Итого	100%	100%	100%

Источник: Gallup.

Борьба рабочих в мире

Забастовки в Бангладеш

2023 год стал годом мощных забастовок в Бангладеш, одной из “потогонных фабрик” Азии, где в апреле 2013 года произошла промышленная катастрофа на фабрике Rana Plaza, в результате которой погибли 1100 рабочих.

Классовая сила в швейном секторе очень важна: более 4 миллионов рабочих, 80 % из них – женщины, большинство – недавние иммигранты из сельской местности. Сектор, называемый RMG (Ready-Made Garment, готовая одежда массового производства), в последние десятилетия бурно развивался в Бангладеш, как и в других азиатских странах, но этот бум и рост числа рабочих не сопровождался ростом силы профсоюзных организаций, который замедлялся, тормозился или даже юридически пресекался. Помимо того, что уровень синдикализации очень низок, профсоюзы, где они существуют, ограничены отдельными предприятиями и поэтому слабы. Отраслевые или национальные профсоюзы, которые многочисленны, но столь же слабы, неразрывно связаны с политическими партиями и неактивны в выдвижении требований. Условия жизни рабочего класса остаются одними из самых худших в Азии (см. Вестник “Интернационалист” № 10, май 2013 г.).

Но именно такой тип организации производства – большие цеха с тысячами тесно прилегающий друг к другу столов, за каждым из которых сидит рабочий, склонившийся над швейной машинкой, с узкими проходами для провоза производимых товаров, в тяжёлых санитарно-гигиенических условиях и с нарушением техники безопасности, несмотря на изменения после Rana Plaza, – способствует возникновению рабочих объединений и благоприятствует спонтанным коллективным действиям, что мы и видели в ходе недавних забастовок.

Минимальная заработная плата, стоящая в центре перечня требований, в текущих условиях играет важную роль в этом секторе. На самом деле, она является основой, к которой добавляются другие элементы, превращающие её в реальную зарплату. Главным из этих пунктов является сверхурочная работа, распространённая повсеместно как норма, в результате чего фактическое рабочее время, как ежедневное, так и еженедельное, не сильно отличается от образца фабрик XIX века. В Бангладеш уже сменилось как минимум два поколения работников сектора RMG. Опыт забастовки, даже если её результаты пока скромны, в том числе из-за мощных репрессий со стороны государственного аппарата, может привести только к лучшим результатам в ближайшем будущем.

Lotta comunista, февраль 2024 г.

Guido La Barbera

Новая стратегическая фаза

316 страниц, мягкий переплёт, 4 карты, хронология, библиография, биографический справочник
ISBN 978-5-9905528-2-1

Цена 350 руб.

ХРОНИКА ТЯЖЁЛОГО СРАЖЕНИЯ

В апреле 2023 года правительство создало трёхсторонний “Совет по заработной плате” – комиссию по заработной плате, состоящую из работодателей, правительства и работников, – с целью установления новой минимальной месячной заработной платы, которая с 2018 года находилась на уровне 8.000 така (эквивалент 73 долларов США по текущему курсу). Представитель рабочих фактически является подставным лицом со стороны правящей партии. Работа Совета ведётся очень медленно и с минимальной прозрачностью.

Наиболее активная фаза протестов и забастовок с требованием повысить зарплату хотя бы исходя из уровня инфляции началась 23 октября. В конце месяца встреча ста профсоюзов уровня предприятий с правительством и министром труда не принесла никаких результатов. Первое предложение Совета по повышению минимальной заработной платы до 10.400 така (95 доллара) большинство считает в высшей степени недостаточным. Требование профсоюзов – 23–25 тыс. така (229–227 долларов) с учётом предшествующей, а также нынешней инфляции, около 10 % в год.

30–31 октября. Два самых жестоких дня забастовки, затронувших некоторые промышленные районы крупного мегаполиса Дакки: Мирпур, Газипур, Ашулия. Двое рабочих погибли, один был убит полицией. Двадцать четыре человека получили ранения во время молчаливого марша протеста в результате нападения провокаторов с железными прутьями. Многие фабрики были закрыты по распоряжению владельцев, что фактически стало локаутом. Согласно действующему трудовому кодексу, зарплата в таком случае не выплачивается. Проводятся экстренные встречи промышленников с министром внутренних дел.

Ноябрь. На одиннадцатый день забастовки в секторе RMG закрыты 300–400 фабрик. Круг затронутых районов расширяется: Савар, Конабари и другие отраслевые центры. 2 ноября проходят забастовки и демонстрации, перекрыты дороги и имеют место интенсивные столкновения: пограничная охрана также массово вмешивается в ситуацию в Рампуре и других населённых пунктах.

Совет обвиняют в затягивании решения о минимальной зарплате. В адрес бастующих рабочих звучат обвинения в вандализме. Министр труда, комментируя предложение промышленников в размере 10.400 така (83 доллара), отвергнутое профсоюзам, призывает работодателей увеличить сумму.

Парламент одобрил некоторые изменения в трудовом законодательстве в соответствии с требованиями МОТ на основе “дорожной карты”, которая должна была привести законодательство Бангладеш в соответствие с международными стандартами. Это является необходимым условием для продолжения получения тарифных льгот в качестве развивающейся страны. Однако требования профсоюзов не были приняты, в частности, в том, что касается отмены ограничений на присутствие профсоюзов на фабрике и права на забастовку. Либерально настроенная англоязычная даккийская газета *The Daily Star* вышла с заголовком «Трудовое законодательство должно защищать право на забастовку, последние поправки не делают достаточно, чтобы привести его в соответствие с международными стандартами»; звучит критика правительства за то, что оно не действует в правильном направлении.

В последующие дни работа на некоторых фабриках возобновилась в ожидании решения Совета, назначенного на 7 ноября. Но в Газипуре, Ашулии, Маоне и Мирпуре забастовки и шествия продолжались. Ещё больше столкновений с полицией, ещё больше ранений среди рабочих. «Правительство не является нейтральным. Большая часть членов парламента владеет фабриками RMG, и им наплевать на рабочих. [...] Репрессии не могут заглушить голос рабочих и профсоюзного движения». Так считает Калпона Актер, президент Федерации швейников и промышленных рабочих (*The Daily Star*, 6 ноября).

7 ноября: объявлено новое значение минимальной заработной платы, установленное Советом на уровне 12.500 така (114 долларов), что в два раза меньше того, что профсоюзы считают справедливым, после того как предыдущее более низкое предложение было также отклонено правительством. Количество уровней оплаты труда сокращаются с 7 до 5. “Представитель” рабочих в Совете не возражает против предложения, однако его отвергают многочисленные фабричные профсоюзы. Перед зданием министерства труда немедленно вспыхнули протесты. Многие профсоюзы, отвергая предложение, указывают, что в Индии, Камбодже, Вьетнаме, Китае, Индонезии она гораздо выше; только в Пакистане она была бы ниже. Всё это азиатские страны, где производство в отрасли RMG конкурирует с Бангладеш на мировом уровне.

На следующий день снова начинаются забастовки и демонстрации протеста. Полиция убила 28-летнюю работницу, мать двоих детей. Перекрыты дороги, демонстрации,

обвинения в адрес рабочих в вандализме. Автомагистраль перекрыта. В дело вмешиваются 22 взвода полиции, которые даже взорвали гранату. Газета *Daily Star* отмечает, что рабочие фактически исключены из процесса принятия решений, и заявляет: «Но как долго пули смогут подавлять голод или требование достойной жизни для рабочих?».

Забастовки и демонстрации продолжились в последующие дни и распространились на Чандану, Конабари и Джарун. Полиция применяет слезоточивый газ. Перекрыта главная дорога. Задействовано до 44 взводов пограничной охраны. В своей жёсткой речи премьер-министр Шейх Хасина говорит о присутствии на забастовках “подстрекателей”: «Если рабочие не примут это соглашение [...] возникнет ситуация, в которой они потеряют работу и будут вынуждены вернуться в свои деревни» (9 ноября).

В промышленных районах Савар, Ашулия и Дхамрай владельцы закрывают 130 фабрик. Это ещё один локаут, и здесь тоже действует правило “нет работы – нет зарплаты”, то есть имеет место откровенный шантаж. Четверо рабочих арестованы, против 1.500 были выдвинуты обвинения.

Первый итог полицейских репрессий на 10 ноября: 4 или 5 погибших, 11 арестованных, против 11.000 полиция выдвинула обвинения, ещё больше протоколов на подходе. Опрошенные рабочие говорят, что забастовки начались почти сами по себе, что подтверждает высокую степень спонтанности и отсутствие профсоюзного руководства в этой мощной и широкой волне борьбы. Аресты продолжались даже после возобновления работы. Ассоциация промышленников RMG отдала приказ о прекращении набора персонала.

В *Dhaka Tribune*, англоязычной газете, близкой к промышленным кругам, утверждается, что в забастовках участвовали 25.000 рабочих сектора, и напоминает, что «швейное производство в Бангладеш занимает важнейшее место в поддержании экономической стабильности всей страны».

BGMEA, ассоциация швейной промышленности, утверждает, что при расчёте реальной зарплаты необходимо учитывать сверхурочные: при 78 часах в месяц (то есть 3 часа в день в течение 6 дней!) зарплата увеличивается на 5.025 така (46 доллара) до 17.525 така (159 долларов), всё равно оставаясь намного ниже требований рабочих. Чтобы добиться этой суммы, нужно работать не менее 12 часов в день: «это не по-людски», – замечают они.

Статья в *Daily Star* иллюстрирует разницу в почасовой производительности труда в отрасли: у индийцев она вдвое выше, у китайцев – втрое. Проблема заключается в технологическом уровне фабрик, который в Бангладеш остаётся гораздо ниже, чем у конкурентов: вот почему так важно поддерживать низкий уровень заработной платы. Но затраты на рабочую силу будут составлять всего 10–13 % от общих затрат, так что возможность для повышения заработной платы существуют.

15 ноября один профсоюзный лидер был арестован по обвинению в насилии и вандализме, однако профсоюзы утверждают, что его даже не было на месте в день предполагаемых инцидентов, так что это лишь предлог для запугивания со стороны полиции. Через два месяца он был выпущен под залог.

В большой статье в газете *Dhaka Tribune* бывший сотрудник ООН путём подробного экономического анализа оспаривает аргументы промышленников о пределах повышения заработной платы: «Собственники [фабрик] должны понять, что смогут обеспечить своё будущее не за счёт ещё большего давления на рабочих. Путь лежит через повышение производительности труда».

Dhaka Tribune публикует следующие данные: на фабриках RMG 4 % сотрудников работают 8 часов в день, 23 % – 10, 62 % – 12 и 11 % – более 12; в 2023 году средняя продолжительность рабочего дня составляла 11 часов в день. Это достоверные цифры, имеющие вес: источник близок к промышленникам. Один из руководителей отрасли утверждает, что «швейная промышленность порой кажется запертой в цикле низких зарплат».

21 декабря, *Dhaka Tribune*: после забастовок последовало множество увольнений, по данным профсоюзов, сотни; это были самые жестокие забастовки за десятилетие, погибло не менее 5 человек.

25 декабря: забастовки на крупной фабрике в связи с увольнением 800 рабочих.

11 января 2024 года: забастовки в Газипуре в связи с протестами против введения новой шкалы заработной платы, в них участвует множество фабрик.

13 января: 700 рабочих бастуют в специальной экспортной экономической зоне, перекрыв дороги в знак протеста против применения новой шкалы оплаты труда и из-за того, что сверхурочные будут рассчитываться от десяти часов в день, а не от восьми, как должно быть.

Анемичное здоровоохранение

В последнее десятилетие перед началом пандемического кризиса общие государственные и частные расходы на здравоохранение, измеренные как доля валового внутреннего продукта, в среднем оставались на стабильном уровне в большинстве промышленно развитых стран, входящих в ОЭСР. «Экономический кризис, начавшийся в 2008 году, положил конец длительному периоду, когда расходы на здравоохранение росли быстрее, чем ВВП», – отмечала ОЭСР в 2013 году, добавляя, что неясно, является ли это циклическим эффектом или отражает «структурные изменения». Тенденция действительно сохранилась. После резкого падения в течение трёх лет после 2009 года ежегодный рост реальных расходов на здравоохранение на душу населения продолжался темпами ниже или равными темпам роста ВВП. В 2019 году в странах ОЭСР на здравоохранение тратили в среднем 8,8 % ВВП, и эта цифра остаётся практически неизменной с 2013 года. Расходы на здравоохранение в странах ЕС в период с 2013 по 2019 год также росли примерно теми же темпами, что и ВВП, увеличиваясь в среднем на 2,5 % в год в реальном выражении и оставаясь в зоне постоянных значений на уровне 10 % ВВП («OECD Health statistics 2023»).

Чрезвычайные расходы, потребовавшиеся в связи с Covid-19, нарушили десятилетнюю тенденцию на два года. Расходы на здравоохранение на душу населения в реальном выражении выросли по странам ОЭСР в среднем на 4,3 % в 2020 году и на 8,1 % в 2021-м. Этот подъём в сочетании с замедлением экономического роста привёл к тому, что расходы на здравоохранение составили 9,7 % ВВП в среднем по ОЭСР и 10,9 % в ЕС. Однако этот рост был лишь временным. Когда чрезвычайная ситуация подошла к концу, к 2022 году эти расходы сократились в странах ОЭСР в среднем на 1,5 %, а их доля в ВВП вернулась к уровню, существовавшему до пандемии, а в трети государств-членов – к более низкому.

Плоская кривая

Замедление темпов роста расходов на здравоохранение встречается одобрение в финансовом мире. Журнал *The Economist* с облегчением отмечает, что во всём «богатом мире» расходы на здравоохранение, которые на протяжении десятилетий росли быстрее, чем остальная экономика, перестали увеличиваться. Среди экономистов, пишет лондонский еженедельник, неуклонный рост доли валового продукта, «пожиряемого» здравоохранением, считался «железным законом». Теперь им придётся задуматься снова. Несмотря на старение населения и последствия пандемии, «здоровоохранение больше не захватывает экономику». В странах ОЭСР «доля расходов на здравоохранение в ВВП вернулась практически к уровню 2008 года». «Из-за этого “сглаживания кривой” расходы на здравоохранение в регионе сегодня примерно на 2 триллиона долларов ниже, чем в период до 2009 года». Сдвиг особенно заметен в отдельных странах, и «даже в Америке – стране дорогого здравоохранения – кое-что изменилось» (28 октября 2023 г.).

В докладе ОЭСР за 2013 год выдвинута гипотеза о том, что изменение тем-

пов роста расходов на здравоохранение может быть «структурным», отражая такие явления, как внедрение новых технологий и лекарств и «повышение эффективности» финансирования систем здравоохранения. Аналитики журнала *The Economist*, похоже, склоняются к «структурному тезису». Среди возможных причин беспрецедентного «повсеместного замедления» они называют, прежде всего, рост производительности труда, которого не избежали и медицинские услуги, несмотря на характеризующую их трудоёмкость, что способствовало сдерживанию роста стоимости лечения. «Технологические изменения», возможно, также привели к «общему замедлению» в обращении к дорогостоящим инновациям, которые в предыдущие десятилетия приносили с собой резкий рост расходов.

Эти явления заслуживают дальнейшего изучения. Более явными являются меры по ограничению государственной составляющей расходов на здравоохранение. Правительства ввели более строгий контроль над ценами на лекарства, приняли правила, регулирующие и ограничивающие их выписку, и попытались, при значительных различиях между странами в этом вопросе, сократить свои расходы на здравоохранение.

Время урезания расходов

Сам *The Economist* вынужден признать, что «после мирового финансового кризиса 2007–2009 годов многие европейские правительства, испытывающие нехватку средств, решили сократить расходы. Это включало и ограничение роста зарплат сотрудников» (*The Economist*, op. cit.). Добавим: а также их количества. Нехватка медицинских работников ощущается и во многих европейских странах, и в США. В Италии 20-летнее замораживание найма в Национальной системе здравоохранения привело к острой хронической нехватке врачей и медсестёр. По данным ОЭСР, в Италии на тысячу жителей приходится 6,5 практикующих медсестер, в Германии – 12,8. В Италии на одного врача приходится 1,5 медсестры, тогда как в Германии и Франции – 2,7.

В 2014 году мы писали в нашей газете: «Социальные издержки являются неотъемлемой частью империалистического противостояния. Давление правительств с целью пересмотра систем социального обеспечения ведёт нас к рассмотрению сокращения расходов на здравоохранение не как переходной стадии, а, скорее, как тенденции, спроецированной на ближайшее будущее и вынужденной воздействовать на многочисленные статьи расходов: от фармацевтики до товаров и услуг, от программ профилактики до расходов на персонал» (Вестник «Интернационалист» № 23. Июнь 2014). Государственное финансирование здравоохранения вынуждено конкурировать с другими «приоритетами», среди которых на первый план всё чаще выйдут военные расходы.

Пандемия продемонстрировала повсеместный недостаток финансирования систем здравоохранения, утверждается в отчётах международных комиссий. Наиболее болезненными оказались последствия в странах, где дефициты в системе здравоохранения затрудняют не только ликвидацию последствий чрез-

вычайных событий, но и удовлетворение «штатных» потребностей: осмотры, обследования, операции, неприемлемое время ожидания которых часто приводит к отказу от них.

Аналитики журнала *The Economist* добавляют к причинам замедления темпов роста расходов на здравоохранение ещё и снижение покупательной способности. «Во всех странах существует удивительно прочная связь между благосостоянием и расходами на здравоохранение, даже там, где правительство предоставляет большую часть медицинских услуг». «Рост доходов на душу населения в богатых странах мира сегодня происходит гораздо медленнее, чем до 2008 года. По нашим оценкам, это объясняет 40–60 % уплощения кривой». В данном случае это «пиррова победа: расходы на здравоохранение не растут отчасти потому, что мир перестал становиться богаче». На данный момент важно то, что «здоровоохранение не должно поглощать весь мир». С другой стороны, круг «неудовлетворённых потребностей» растёт.

Обращение к частным расходам

«Всеобщий охват услугами здравоохранения, – заявляет Всемирная организация здравоохранения, – означает, что все люди имеют доступ к полному спектру необходимых им качественных медицинских услуг, когда и где они в них нуждаются, не испытывая при этом финансовых трудностей».

Большинство стран-членов ОЭСР достигли всеобщего или почти всеобщего охвата, по крайней мере, основными медицинскими услугами, но в некоторых из них, в том числе в Европе, значительная часть населения (не только иммигранты) всё ещё остаётся за его пределами, а для полного доступа существуют многочисленные препятствия. В джунглях различных систем здравоохранения услуги, входящие в страховые «пакеты», значительно отличаются по их получателям, типам и размерам участия государства в расходах. Так, частные расходы на здравоохранение варьируются от 47 % от общего объёма в Мексике до 13,5 % в Германии. В среднем в странах ОЭСР более одной пятой всех расходов на здравоохранение оплачивается непосредственно домохозяйствами, в Европейском союзе – 18 %.

В странах ЕС, не считая доли, поглощаемой добровольным страхованием, прямые (*out-of-pocket*) расходы на медицинские товары и услуги, включая квитанции на оказание медицинских услуг, составили в среднем 15 % от общих расходов на здравоохранение в 2020 году. В среднем они достигают около 3 % бюджета домохозяйств, но с большими различиями в зависимости от категорий их доходов. ВОЗ также выделила пороговые показатели удельного веса расходов *out-of-pocket* в бюджете домохозяйств. Если они превышают 10–20 % дохода или потребления домохозяйства, это называется «катастрофическими расходами на здравоохранение» (ВОЗ, «Universal health coverage global monitoring report 2023»).

Убогий универсализм

В анализе стран ЕС, охватывающем годы перед пандемией, пороговый

ВЕС В СЕМЕЙНОМ БЮДЖЕТЕ

Частные расходы на здравоохранение, включая добровольное страхование, в процентах от общих расходов на здравоохранение. Предварительные данные 2022 года. Средневзвешенное значение по ЕС и показатель для стран, не входящих в ОЭСР (*), относятся к 2020 году. Источник: *OECD.Stat; Eurostat*.

показатель катастрофических расходов на здравоохранение был установлен на уровне 40 % от остаточного дохода домохозяйства после вычета стандартной суммы на питание, жильё и коммунальные услуги. Доля домохозяйств с катастрофическими расходами составляла в среднем около 7 %, варьируясь в разных странах от более 15 % до менее 2 % (в Италии – 9,4 %). Риск понести расходы на здравоохранение сосредоточен в беднейших квинтилях (ОЭСР/ЕС, «Health at a glance: Europe», 2022).

Взгляд за пределы «богатого мира» представляет ещё более драматичную картину. Достижение всеобщего охвата населения услугами здравоохранения в 2030 году было одной из целей, поставленных всеми странами-членами ООН в 2015 году и подтверждённых в 2019-м («Цели устойчивого развития 2023»). Прогресс в достижении этой цели замедлился после 2015 года и остановился после 2019-го. В 2021 году «около 4,5 миллиарда человек не были полностью охвачены основными услугами» (ВОЗ, «Universal health coverage», 5 октября 2023 г.). Это означает, что «доля населения, несущего катастрофические прямые расходы на здравоохранение, неуклонно росла с 9,6 % в 2000 году до 13,5 % в 2019 году, когда она превысила 1 миллиард человек». В 2019 году прямые расходы на здравоохранение втянули в крайнюю нищету ещё 344 миллиона человек и 1,3 миллиарда – в относительную.

Европа и бомба

С созданием Европейского союза в 1993 году завершилось преобразование “общего рынка” различных государств континента в настоящий европейский “внутренний рынок”, основанный на свободном перемещении товаров, капитала, услуг и людей. В частности, работникам гарантируется географическая и профессиональная мобильность, то есть равенство прав между теми, кто родился в одной стране, и теми, кто переехал туда из других европейских государств. Более того, этот путь уже был начат постановлением 1968 года.

Итальянские “европейские” рабочие

К 2020 году, по оценкам Евростата, число лиц, живущих и работающих в странах ЕС, не являющихся странами их происхождения, составит 7 миллионов человек, или 3,4 % от общей численности рабочей силы континента. К этому числу следует добавить около 10 миллионов наёмных рабочих, происходящих извне Союза, то есть 5,2 %. Прибавим трансграничных и командированных работников, более одной десятой наёмных рабочих в ЕС. На практике это и есть европейский рабочий.

В этих общих рамках присутствуют и итальянцы, ищущие работу за рубежом. Сколько их? В докладе от февраля 2023 года ISTAT подсчитал, что в период с 2012 по 2021 год произошло более миллиона перемещений: среди них 337 тысяч молодых людей в возрасте от 25 до 34 лет. 83 % переехали в другую европейскую страну.

Это официальные цифры, то есть взятые из списков профильных госучреждений, которые, предположительно, не полны. Fondazione Nord Est в своём исследовании, проведённом в октябре 2023 года, утверждает, что реальные цифры в два-три раза превышают официальные. Кроме того, в этом анализе предпринимается попытка выяснить, насколько взаимным является этот поток: вывод таков, что из тех же стран, куда направляется итальянская эмиграция, на полуостров прибывает значительно меньше молодых людей – один на трёх итальянцев по данным ISTAT и один на семерых по данным Фонда.

Европейский рынок труда

На этом дисбалансе потоков была выстроена идеологическая конструкция, включающая в себя элементы популизма и дискриминации, которая заслуживает некоторого пояснения.

Прежде всего, необходимо сказать, что речь не о повторении миграционного феномена XIX и XX веков. Достаточно одного факта: более половины сегодняшних “эмигрантов” – выходцы из регионов северной Италии, наиболее развитой части страны, где трудно говорить о недостатке работы, скорее о нехватке рабочей силы. И затем, называть это “утечкой мозгов” некорректно или, по крайней мере, необъективно. Нельзя сказать, что выпускники университетов не являются важным компонентом этого явления, но на них приходится около трети оттока молодёжи в возрасте от 25 до 34 лет, что немалым образом влияет на доли выпускников в этой возрастной группе. С другой стороны, две трети тех, кто ищет работу за рубежом, не имеют высокой квалификации: таким образом, речь идёт о рабочих с раз-

ным уровнем квалификации, не только об инженерах или официантах, но и о фабричных рабочих, техниках, медсёстрах и так далее.

Наконец, существует обратный поток, который, по разным оценкам, составляет от одной трети до половины уехавших. По данным ISTAT, в период с 2012 по 2021 год из 1,24 миллиона человек, переехавших за границу, обратно вернулись 443 тысячи; среди молодёжи возвращается чуть меньший процент – 94 тысячи из 337 тысяч.

Какой вывод можно сделать из этих соображений? Мы наблюдаем процесс циркуляции рабочей силы на европейском внутреннем рынке. Сюда же относится создание транснациональных компаний или, лучше сказать, “европейских чемпионов”, которые объединяют работников, а иногда и перемещают их между разными странами.

Конкуренция за “таланты”

В Европе, как и на любом внутреннем рынке, существует конкуренция между компаниями за “таланты”, особенно сейчас, когда нехватка рабочей силы, особенно молодёжи, усугубляется демографическим спадом. К 2030 году, по расчётам Fondazione Nord Est, в Италии будет не хватать 580 тысяч молодых людей в возрасте 20–34 лет – их на 8 % меньше, чем сегодня. И эта проблема касается всего континента: необходимость “импортировать” наёмных рабочих из-за пределов ЕС не исключает возможности борьбы за рабочую силу, уже подготовленную внутри Союза.

Если мы говорим о конкуренции, то, несомненно, отнюдь не второстепенным фактором в поиске работы за рубежом является заработная плата. В своём отчёте за июль 2023 года всё тот же ISTAT отмечает, что в Италии наёмный работник зарабатывает за год на 3.700 евро меньше, чем в среднем по Европе, но на 8.000 меньше, чем в Германии, и на 7.500 меньше, чем во Франции. Дисбаланс между прибывшими и уехавшими имеет свою причину.

Именно на это следует обратить внимание тем, кто жалуется на “бегство” молодёжи за границу, на “истощение” национальной энергии. Прежде всего это касается профсоюзов.

Давний вопрос о зарплате

Вопрос о заработной плате в Италии откладывается всё дольше и дольше. Европейский комиссар по труду Николас Шмит заявил об этом на слушаниях в итальянском парламенте. По его словам, цель Комиссии – гарантировать в каждой стране «минимально адекватные зарплаты при эффективных коллективных переговорах; глядя на Италию, у меня складывается впечатление, что это не так»; существует «огромная часть экономики, где зарплаты слишком низкие, это нездоровая ситуация, которую необходимо изменить» (la Repubblica, 6 декабря 2023 г.).

Маурицио Ландини, генеральный секретарь профсоюзного объединения CGIL, признаёт: в вопросе заработной платы «есть и наша ответственность»; в 1990-х годах профсоюзы приняли контрактную систему, которая передала значительную часть требований по заработной плате на уровень компании, чтобы «определить условия для вхождения в Европу». Это «привело к поли-

Прошло четверть века с тех пор, как дебаты о европейском перевооружении в последний раз были столь острыми, переместившись из исследовательских центров на страницы газет. Тогда, на рубеже конца 1990-х и начала 2000-х годов, Европа пыталась извлечь выводы из краха СССР и войн на Балканах, которые вовлекали ЕС, но также показали зависимость от Соединённых Штатов. В Конституционном договоре ЕС затрагивалась общая внешняя и оборонная политика; казалось, что решение о создании 60-тысячных сил быстрого реагирования уже принято. Но война в Ираке в 2003 году привела к заморозке проекта. Соединённые Штаты работали над созданием трещины между Старой Рейнской Европой и Новой Восточной Европой: альянсы Вашингтона всегда преследовали неявную цель не допустить, чтобы его партнёры, Европа и Япония, стали автономными полюсами силы.

Кризис порядка вновь открыл эту страницу. Восхождение Китая меняет глобальный баланс. Америка в своём относительном упадке пытается удержать позиции на всех фронтах. В суматохе внутреннего противостояния на первый план выходят изоляционистские и унилатеристские позиции, тогда как истерики Дональда Трампа доходят до того, что он ставит под сомнение обязательство Атлантического альянса, касающиеся взаимопомощи. В конфликте на Украине США поначалу смогли повторить игру 2003 года, используя конфликт, чтобы вбить клин между Россией и ЕС, а также подтолкнуть Польшу, Прибалтику и страны Северной Европы к атлантискому моменту за счёт Франции и Германии. Однако теперь неопределённый прогноз о последствиях американской лихорадки благоприятствует контратате ЕС, который хочет использовать войну для собственного перевооружения и восстановления баланса сил в Атлантическом альянсе. Урсула фон дер Ляйен вновь баллотируется на пост главы Еврокомиссии с линией на перевооружение Европы. Согласно её плану, комиссар по обороне должен координировать инвестиции и закупки в сфере военной промышленности. Говорится об общем федеральном фонде, роли Европейского инвестиционного банка и, возможно, даже европейском налоге на оборону.

В довершение ко всему, в Германии снято табу с обсуждения бомбы – средств ядерного сдерживания. Что делать, если прикрытие американских стратегических ракет уже не так надёжно? В прессе обсуждается вопрос о дополнительной гарантии, которую могла бы обеспечить европейская бомба: соглашение о расширении зоны покрытия французских и британских сил сдерживания выглядит правдоподобно, а гипотеза о немецкой бомбе – как завуалированное давление. Теперь ясно? Верховный скипетр ядерной смерти на звёздно-голубом фоне. Интернационалистическая оппозиция европейскому империализму – это жизненно важное сражение.

тике сдерживания заработной платы» (Domani, 24 ноября 2023 г.). Мы делаем заметку и ждём проверки делом.

По оценкам INAPP (Национальный институт анализа государственной политики), реальная заработная плата за 30-летний период 1992–2022 гг. выросла в Италии на жалкий 1 % по сравнению с 32,5 % в среднем по странам ОЭСР. К уже накопленному отставанию добавляются цифры, которые говорят сами за себя. Инфляция в 2023 году составила 5,9 %, но зарплаты выросли всего на 3,1 %. Это ещё 3 потерянных процентных пункта. Развенчивая пропаганду о том, что инфляция больше не является проблемой, в январе “продуктовая корзина” показывала рост на ещё 5,4 %.

Дополнительным бременем для условий жизни нашего класса является продолжающийся поток жертв наживы на рабочих местах, значительную часть среди которых составляют рабочие-иммигранты, как показывает трагедия во Флоренции.

Вопрос о заработной плате в 2024 году

Вопрос о заработной плате становится центральным пунктом профсоюзной борьбы в этом году. Срок действия мно-

гих контрактов истёк, начиная с секторов торговли и туризма, где коллективные соглашения ожидают продления уже четыре года, заканчивая государственной службой, в которой просрочка составила уже два года. В этом году должны были быть продлены контракты с большим количеством работников, например, с железнодорожниками и сотрудниками локального общественного транспорта, текстильщиками и обувщиками, логистами, а в июне – с работниками металлообрабатывающей промышленности.

В общей сложности это затронет миллионы работников, и именно на этом мы должны сосредоточить наше внимание и энергию.

В Германии этот год также является годом истекающих сроков заключения контрактов. Особое внимание уделяется продлению соглашений для 3,9 миллиона рабочих металлообрабатывающей и электротехнической промышленности, а также для почти 600 тысяч рабочих химпрома. Итальянские наёмные рабочие не одиноки на европейском внутреннем рынке труда.

Lotta comunista, февраль 2024 г.

Европейские выборы в Мадриде

Мы публикуем серию статей наших испанских товарищей из газеты El Internacionalismo.

Выборы 23 июля разрушили гипотезу о «формуле Вебера» для испанского правительства. Коалиция Народной партии (НП) и крайне правой «Вокс» усилила бы течение ЕНП, олицетворяемое её президентом, немцем Манфредом Вебером, который пытается работать с некоторыми партиями Альянса европейских консерваторов и реформистов (АЕКР) в преддверии европейских выборов 2024 года. Главной чертой соглашения ЕНП и АЕКР мог бы стать призыв к «паузе» в «зелёном» энергетическом переходе.

Испания – четвёртая по величине экономика ЕС, и позиция её правительства приобретает значительный вес в условиях стечения пандемического, энергетического и военного кризисов на Украине и, возможно, в Сахеле. И всё это в то время, когда ЕС, в котором Мадрид председательствует на ротационной основе, добивается окончательной ратификации соглашения с МЕРКОСУР – блоком, в который входят Бразилия, Аргентина, Парагвай и Уругвай.

Европейские выборы

Энрик Хулиана, заместитель редактора газеты *La Vanguardia*, не случайно назвал прошедшие электоральные консультации «европейскими выборами».

Национальные выборы всё чаще становятся частью европейского политического цикла. Они определяют выбор членов Европейского совета и оказывают влияние на самых разных уровнях: на политические сражения ЕС, такие как *Зелёный курс*, на отношения с другими державами, о чём свидетельствуют опасения популистской реакции Франции на переговоры с МЕРКОСУР, на отношения между европейскими политическими течениями.

Премьер-министр-социалист Педро Санчес назначил досрочные выборы в связи с результатами муниципальных и региональных выборов 28 мая, на которых убедительную победу одержали правые партии. Это высвободило потенциал кризиса в коалиции ИСРП и максималистской

левой «Унидас Подемос», а также в руководстве самой Социалистической партии. Кроме того, 1 июля Санчес на ротационной основе стал председателем ЕС, а 17 и 18 числа того же месяца он принял участие в саммите ЕС и СЕЛАК (Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна), который, по настоятельному желанию его правительства, должен был конкретизировать политику *активного евроатлантизма* и придать Испании роль связующего звена между двумя континентами.

По мнению Хулианы, «волна Мелони», европейская консервативная волна, казалось, должна была захлестнуть амбиции Санчеса, но результат выборов, похоже, указывает на её остановку, доказывая, что социалисты не ошиблись в своей авантюре.

В колонке «Карл Великий» на страницах *The Economist* утверждается, что по итогам выборов можно говорить о возникновении «ибериjsкой волны умеренности» против крайностей евроскептиков, поскольку в Испании, являющейся крупным бенефициаром средств ЕС с момента её вступления в 1986 году, «кажется самоубийством идти против Европы».

Несовершенная двухпартийность по-испански

«Электоральная связка», как назвала её правая газета *El Mundo*, с участием Йоланды Диас, бывшим министром труда по квоте Коммунистической партии Испании и лидером новой платформы «Сумар», в которую входят «Подемос» и большое количество местных партий, фактически укрепила позиции ИСРП, которая вернула один миллион голосов. Но этого недостаточно для формирования устойчивой коалиции с «Сумар», которая потеряла 600 тыс. голосов по сравнению с суммой, которую набрали присоединившиеся к ней силы. ИСРП и «Сумар» со 152 местами далеки от абсолютно большинства, но, учитывая раздробленность Конгресса, этого достаточно, чтобы сорвать вступление в должность премьера победителя выборов Альберто Нуньеса Фейхоо, чья НП улучшила свой результат на 3 млн голосов.

НП возвращает поглощает резервуар «Сьюдаданос» (1,6 млн голосов) и долю

голосов «Вокс». Однако в то же время она расплачивается за свои отношения с последней. Их 170 мест по-прежнему недостаточно, а присутствие «Вокс» в уравнении сильно затрудняет добавление других союзников для инвеститур.

В целом ИСРП и НП набрали на 4 млн голосов больше, однако, с точки зрения *Le Monde*, было бы не совсем корректно говорить о возвращении к «двухпартийности», поскольку обе партии продолжают зависеть от своих союзников. Следует отметить, что их поддержка сокращается, а регионалистские и индипендентистские партии возвращаются к уровню 2016 года, до апогея судебного процесса в Каталонии.

С другой стороны, ИСРП и НП часто опирались на периферийные силы ещё до наступления нового политического цикла, что является специфической чертой испанской *несовершенной двухпартийности*. Разница, скорее, заключалась в невозможности достижения стабильных договорённостей с баскскими и каталонскими «националистами» в условиях высокой поляризации не только и не столько между правыми и левыми, сколько между централистскими и периферийными силами.

Шансы Санчеса

В предыдущем созыве Конгресса именно баски и каталонцы позволили правительству меньшинства выжить. Их поддержка социалистки Франсины Арменголь, избранной председателем Конгресса в новом созыве с абсолютным большинством голосов, свидетельствует о расположении и ведущемся торге. Однако шансы Санчеса на сохранение президентского кресла зависят от исхода сложных переговоров.

Коалиция сторонников независимости басков ЕН Bildu, политическая наследница террористической группировки ЭТА, заявила, что поддержит правительство ИСРП, чтобы избежать создания коалиции, зависящей от «Вокс».

Автономистская, но христианско-демократическая и проевропейская Баскская националистическая партия категорически исключает поддержку НП, зависящей от «Вокс». Поэтому она готовится к переговорам о премьерстве Сан-

чеса на основе пересмотра испанской «территориальной модели».

Аналогичным образом действует и партия «Левые республиканцы Каталонии» (ЛРК), лидеры которой, осуждённые в ходе процесса над сторонниками независимости, были помилованы Санчесом в предыдущем созыве. Эта партия требует пересмотра механизмов регионального финансирования, амнистии по незавершённым судебным делам и проведения «референдума» с юридическими гарантиями.

«Вместе за Каталонию» (JxCat), правая индипендентистская партия Карлеса Пучдемона, главного лица судебного процесса, провозгласившего независимость в 2017 году и бежавшего в Брюссель, похоже, придерживается наиболее крайних позиций для ведения переговоров. Однако каталонская *La Vanguardia* сообщает, что местные деловые и промышленные круги требуют от JxCat «улучшения климата в отношениях между Каталонией и остальной Испанией: в первую очередь, автономного [регионального] финансирования и инвестиций в инфраструктуру. А также управления средствами фонда Next Generation EU».

Европейский фактор

Пересмотр налогового и инвестиционного регулирования, на который накладываются европейское внешнее принуждение, фонды ЕС и пугало крайних правых для склеивания разнородной коалиции – вот рычаги Санчеса. В этом смысле он возвращается к тем же дилеммам, что и четыре года назад. Тогда мы сравнивали его линию с той, которой придерживался президент Франции Миттеран в начале 1980-х годов, когда тот добивался союза с максималистскими левыми на основе государственных расходов и страха перед Ле Пенем: «По сравнению с ситуацией во Франции 1980-х годов имеются очевидные различия, в частности европейский фактор. Глубина интеграции и рамки европейского принуждения сегодня иные, чем тридцать лет назад. Ещё предстоит проверить, о каких бюджетных послаблениях такое правительство сможет договориться с комиссией фон дер Ляйен, чтобы заплатить цену за «миттеранистскую» коалицию в Мадриде, при условии, что она вообще будет создана. В то время как «испанский путь» затягивания тупиковой ситуации остаётся открытым, альтернативным решением может стать предложение маршианта Альберто Нуньеса Фейхоо или коалиционный пакт между ИСРП и НП, если позволят фантазмы франкизма» («Непредсказуемый выход Мадрида из застоя» // Пролетарский интернационализм. № 66, апрель 2020).

Спустя ещё четыре года нужно отметить, что «фактор Европы» уже претерпел новые изменения: на пандемию столетия ЕС ответил общим долгом и фондами в обмен на дополнительное внешнее принуждение; за энергетическим кризисом последовала реорганизация поставок в континентальном масштабе; эскалация войны на Украине навязала более жёсткую атлантистскую дисциплину; нарастание напряжённости в Сахеле поставило европейский империализм в сложное положение, а Санчес в рамках ротационного председательства в ЕС вынужден самостоятельно воплощать европейское внешнее принуждение.

С одной стороны, такие рамки должны исключить новую патовую ситуацию и длительный период отсутствия полноценного правительства. С другой стороны, сложившаяся ситуация наложит на исполнительную власть и её парламентскую базу более жёсткие ограничения со стороны европейского и атлантистского факторов.

Lotta comunista, июль – август 2023 г.

	Июль 2023			Ноябрь 2019			Апрель 2019			Июнь 2016		
	голоса	%	места	голоса	%	места	голоса	%	места	голоса	%	места
избиратели	35.146	100,0	350	34.872	100,0	350	34.798	100,0	350	34.597	100,0	350
АБС	10.863	30,9		10.972	31,5		8.912	25,6		10.840	31,3	
НП	8.092	23,0	137	5.020	14,4	89	4.356	12,5	66	7.906	22,9	137
ИСРП	7.761	22,1	121	6.753	19,4	120	7.481	21,5	123	5.425	15,7	85
«Вокс»	3.034	8,6	33	3.640	10,4	52	2.677	7,7	24	47	0,1	0
«Сумар»	3.014	8,6	31	3.599	10,3	38	3.906	11,2	43	5.050	14,6	71
ЛРК	463	1,3	7	870	2,5	13	1.015	2,9	15	629	1,8	9
JxCat	393	1,1	7	527	1,5	8	498	1,4	7	482	1,4	8
ЕН Bildu	333	0,9	6	277	0,8	5	259	0,7	4	184	0,5	2
ЕАЈ-PNV	276	0,8	5	377	1,1	6	395	1,1	6	286	0,8	5
ГНБ	152	0,4	1	120	0,3	1	94	0,3	0	45	0,1	0
КК	115	0,3	1	124	0,4	2	173	0,5	2	78	0,2	1
СНН	52	0,1	1	98	0,3	2	107	0,3	2	–	–	–
Другие регионалисты, локалисты	200	0,6	0	333	1,0	4	52	0,1	1	–	–	–
«Сьюдаданос»	–	–	–	1.638	4,7	10	4.137	1,9	57	3.124	9,0	32
НП + ИСРП	15.853	45,1	258	11.773	33,8	209	11.837	34,0	189	13.331	38,6	222
Правые	11.126	31,7	170	10.298	29,5	151	11.170	32,1	147	11.077	32,0	169
Левые	10.775	30,7	152	10.352	29,7	158	11.387	32,7	166	10.475	30,3	156
Националисты и регионалисты	1.984	5,6	28	2.726	7,8	41	2.593	7,5	37	1.704	4,9	25

Голоса в тысячах и процентах от числа избирателей; данные не включают избирателей за рубежом.

Примечания: АБС – воздержавшиеся, пустые и недействительные бюллетени; НП – Народная партия; ИСРП – Испанская социалистическая рабочая партия, «Сумар» – коалиция, включающая «Подемос» и множество местных формирований; ЛРК – Левые республиканцы Каталонии; JxCat – Вместе за Каталонию; ЕН Bildu – Единство Страны Басков; ЕАЈ-PNV – Баскская националистическая партия; ГНБ – Галисийский националистический блок; КК – Канарская коалиция; СНН – Союз народа Наварры; Правые = НП + «Вокс» + «Сьюдаданос»; Левые = ИСРП + «Сумар».

Испания, пожирающая своих политических детей

«Вокс» – крайне правая, централистская и евроскептическая партия, родившаяся из ребра Народной партии (НП) – это партия с определённой традицией пожирать свои креатуры, и в данном случае мы имеем в виду те фигуры, которые находились на самой её вершине», – рассуждает каталонская *La Vanguardia* о «кризисе «Вокс»», обращаясь к результатам июльских выборов, которые обрушили надежды последней на вхождение в будущее правительство Альберто Нуньеса Фейхоо из НП.

По мнению правой газеты *El Mundo*, «саморазрушительный и антилиберальный» дрейф в сторону больших дозровок ультракатолического интегрализма в идеологии и протекционизма в экономике заставили уйти в отставку Ивана Эспинозу де лос Монтерос. В прошлом депутат и спикер партии в Палате депутатов, он был одним из известных персонажей – как из этой партии, так и из других, – обязанных своим восхождением новому политическому циклу, которые за последние 5 лет оставили передовую парламентской политики.

Симулякр кризиса?

С одной стороны, по мнению баскской консервативной газеты *El Correo*, выход из «Вокс» лидера либерального течения приведёт партию «на грань раскола» – это суждение находит широкую поддержку в печати, связанной с НП. С другой стороны, редактор *La Vanguardia* Энрик Хулиана подчёркивает: несмотря на то, что «Вокс» потеряла 19 мест из 52-х, она оказалась способна собрать «три миллиона избирателей на последних выборах, то есть 12,3 % проголосовавших и 8,6 % имеющих право голоса». Следовательно, представление о кризисе является преувеличенным, очередным симулякром испанской трагедии, целью которого является реорганизация НП в частности и несовременной двухпартийности в целом.

Фейхоо получил от короля Филиппа VI задачу попытаться сформировать парламентское большинство, которое позволит ему стать председателем правительства. Это называют вынужденным шагом со стороны монарха, который обладает крайне незначительными полномочиями в формировании правительства, поскольку НП получила больше всего мест.

Однако необходимое сложение голосов за неё с голосами за «Вокс» теперь не позволит получить большинство в результате соглашения с Баскской националистической партией (БНП) и «Вместе за Каталонию» (JxCat) – двумя правыми локалистскими партиями, которые в прошлом, до индипендентистских движений, поддерживали правительство НП.

Дебаты о том, что в конце сентября Фейхоо вступит в должность, рассматриваются, таким образом, как простая формальная интерлюдия перед тем, как нынешний премьер социалист Педро Санчес попытается создать непрочное большинство в составе ИСРП, «Сумар» (коалиции, включающей «Подemos») и большого числа региональных партий вместо соглашения между социалистами и НП или тупика, который приведёт к повторным выборам. Получается, настоящая дилемма Фейхоо состоит в том, что в попытке поглотить электоральный бассейн «Вокс» он окажется вов-

лечён в противостояние с этой партией по вопросам централизма и враждебности к локалистским силам.

Дети нового политического цикла

Июльские выборы санкционируют, таким образом, частичный баланс нового политического цикла в Испании. Здесь, как и в других частях Европы, мы наблюдали восхождение популистских организаций и течений, питаемых страхами и разочарованием промежуточных слоёв, по которым ударил кризис последнего десятилетия.

Соединившись с местным политическим материалом, они породили три различные формы популизма. Слева «Подemos», появившаяся в политическом пространстве «Объединённой левой» (коалиции, включавшей КПИ), перехватила недовольных среди электората ИСРП. На региональном уровне возникло каталонское движение за независимость и новые локалистские движения. Справа коррупционные скандалы вокруг НП и контрудары индипендентистского движения произвели на свет два «откола»: сначала либеральную и европеистскую «Сьюдаданос», а затем евроскептическую и ксенофобскую «Вокс».

С одной стороны, некоторые политические решения были весьма волюнтаристскими, с другой – ответ Евросоюза на пандемический кризис, в частности за счёт фондов «Next Generation EU», изменил объективные условия политического цикла.

Электоральный бассейн «Сьюдаданос», которая рассчитывала «обойти» НП, был поглощён последней. В самой НП после внутривыборного столкновения с председателем Мадрида Исабель Диас Аюсо бывший молодёжный лидер Пабло Касадо оказался в опале, и Фейхоо его сместил. Благодаря своей «жёсткой линии» Аюсо завоевала абсолютное большинство в Мадриде и укрепила свои личные позиции, а проигравшей оказалась «Вокс». Атакующая индипендентизм, она не стесняется, к примеру, призывать к запрету баскской партии Bildu, которая включает в себя политических наследников террористической группы ЭТА.

По мнению Берны Гонсалес Харбор, редактора *El País* по международной политике, таким образом Аюсо пытается «укусить «Вокс»», но также и Фейхоо, которому она сама же и помогла стать лидером НП. «Гойя изобразил всё это на картине «Сатурн, пожирающий своего сына», – комментирует Харбор междуобщицы среди правых.

Устойчивое нарушение равновесия

Каталонский индипендентистский процесс отходит на второй план, несмотря на то, что националистические партии ведут с Санчесом торг о его вступлении в должность. Обсуждается противоречивая «амнистия» за события 2017 года для сотен активистов и ряда их лидеров, в частности Карлеса Пучдемона (JxCat), сбежавшего 6 лет назад в Брюссель. О других вождах, таких как бывший каталонский президент Ким Торра (JxCat), который заменил Пучдемона в попытке оживить движение, сегодня ничего не слышно.

Что касается максималистской левой, коалиция «Сумар» министра труда Йо-

ОТПЕЧАТОК ГОЙИ

По мнению историков Фернандо Гарсии де Кортасара и Хосе Гонсалеса Весги, арагонский живописец Франсиско Гойя (1746–1828) является деятелем искусства с «мировым» именем, который «опережает время» (*Breve historia de España*, 2008). Его творчество рождается и живёт в момент становления политической и социальной реальности эпохи больших изменений и конвульсий.

Известный и ценный за смелую современность своих работ, таких как «Маха обнажённая» (1800) и «Капричос» (1799), он рисует сатиру, которая, по мнению французского поэта Шарля Бодлера, сравнима с той, что принадлежит перу автора «Дон Кихота» Сервантеса, но имеет «весьма более современный дух» (*Le Présent*, 15 октября 1857 года).

Его картины, восхваляющие испанский патриотизм, – «Восстание 2 мая 1808 года в Мадриде» и «Расстрел повстанцев в ночь на 3 мая 1808 года» (1814), заказанные временным правительством, изображают сопротивление Мадрида оккупации наполеоновскими войсками и репрессии против повстанцев, что положили начало Войне за независимость (1808–1814). По мнению специалиста по истории Испании Габриэля Магальяэса (*El país que nunca existió*, 2023), они представляют собой образец «культы» «славных поражений», посредством которых «из тела павшего героя рождается новое, легендарное тело культурной памяти, плоть мифа, который никогда не умрёт». Эту черту испанского морального фактора можно найти, например, в ежегодном праздновании каталонцами *La Diada* – годовщины поражения в войне за Испанское наследство (11 сентября 1714 года), по итогам которой Барселона была окончательно подчинена испанской монархии.

Сатурн, пожирающий своего сына

«Мрачные картины» (1819–1832), выставленные сегодня в Музее Прадо в Мадриде, изначально были фресками, написанными для украшения частного дома художника и выражающими, следовательно, его более личное видение Испании. В частности, работе «Сатурн, пожирающий своего сына» приписывают политическое значение. Картина отражает миф о римском боге Сатурне, соответствующем греческому Хроносу, который в страхе перед пророчеством, согласно которому, его низвергнет один из его детей, начал пожирать их одного за другим. Согласно интерпретации арагонца Карлоса Фордады, профессора истории искусств в Университете Сарагосы, Сатурн Гойи – это «время», «старый режим», абсолютная «монархия», то есть король Фердинанд VII, который пожирает «современность», первую испанскую конституцию, принятую в 1812 году во время Войны за независимость и отменённую монархом в конце войны (*Goya resucitado en las Pinturas negras y El coloso*, 2019). Однако, как и в случае греко-римского мифа, работа Гойи предсказала, что один «Зевс» низвергнет абсолютную монархию. Потомок Фердинанда VII Хуан Карлос I поставит подпись под конституцией 1978 года, чем определит окончательное присоединение Мадрида к европейскому империализму и принятие Испанией современной демократической политической оболочки.

ланды Диас, милитантки КПИ, никогда не имевшей партбилета «Подemos», является попыткой нормализовать в европеистском ключе политическое пространство последней. «Подemos» уже потеряла своего отца-основателя Пабло Иглесиаса в мае 2021 года, после тяжёлого личного поражения на региональных выборах в Мадриде, на которых победила Аюсо.

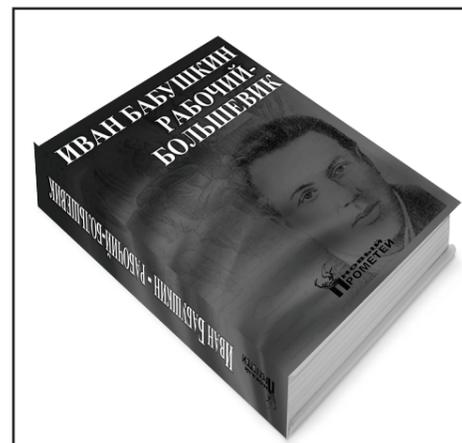
В апреле этого года *Financial Times* цитировала профессора политологии Мариам Мартинес-Баскуньян из Автономного университета Мадрида: «Вероятно, «Подemos» находится в упадке. А может, чтобы иметь успех, «Сумар» должна уничтожить «Подemos»». Однако последняя сопротивляется и хочет сохранить свои идентичность и роль, то есть министерские портфели в новой потенциальной правительственной коалиции.

Ещё рано оценивать, преодолён ли хотя бы частично качественный скачок в политическом нарушении равновесия, случившийся с наступлением нового политического цикла.

В независимости от изменчивости состава и названий политических организаций, тем не менее всегда подходящих для переработки и повторного использования, а также преходящего характера сменяющих друг друга кризисов, причина, что привела к утверждению нового цикла, его глубинный мотор – это относительный упадок старых империализмов перед лицом восхождения новых, которые угрожают их положению на мировом рынке, обостряя конфронтацию между державами.

Распространённые среди широких социальных слоёв страхи перед перспективами энергетической реструктуризации являются ярким выражением относительного упадка и уже оказывают своё влияние на европейский цикл. Это фактор, который должно учитывать и будущее испанское правительство.

Lotta comunista, сентябрь 2023 г.

ИВАН БАБУШКИН РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК

2010, 204 страницы,
мягкий переплёт.
6 карт и 11 иллюстраций по тексту;
хронология,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.

Евроатлантизм испанских партий проходит испытание

Тяжёлое постпандемическое восстановление, война на Украине, энергетический кризис, государственные перевороты и угроза войны в Сахеле, испанское председательство в ЕС перед лицом тяжёлых переговоров, например, вокруг соглашения ЕС – МЕРКОСУР, расширение и углубление евроинтеграции, совместное управление миграционными потоками – этот уже сам по себе турбулентный международный контекст обязывает Мадрид отправиться на поиски правительственной формулы, которая не помешает евроатлантическому внешнему принуждению.

Вновь разгорающееся пламя на Среднем Востоке, раздутое внезапной атакой ХАМАС и реакцией Израиля в Газе, добавляет потенциальный элемент стресса к переговорам о формировании нового испанского правительства.

Фейхоо и “Вокс”

Как и предсказывали СМИ и аналитики, попытка лидера Народной партии (НП) Альберто Нуньеса Фейхоо стать премьер-министром при поддержке “Вокс” провалилась. Это отказ от правительственной формулы, поддержанной как председателем Европейской народной партии (ЕНП) немцем Манфредом Вебером, так и итальянским премьером Джорджей Мелони. Одной из материальных основ этой формулы была «пауза» в энергетическом переходе под “зелёным” знаменем.

Дело в том, что две правые партии совместно обладают лишь 170 парламентскими креслами из 350, чего недостаточно для назначения премьера, если учесть, что ультра-центриалистская натура “Вокс” помешала Фейхоо объединить вокруг себя другие политические силы (он сумел привлечь только наваррских и канарских регионалистов, имеющих по одному креслу) или как минимум добиться их благосклонного нейтралитета.

Фейхоо заявляет, что не «стремился» к председательству, поскольку в обмен на свою поддержку каталонские индпендентисты требовали «амнистию» фигурантов процесса 2017 года и возможность проведения нового «референдума» с правовыми гарантиями. С другой стороны, как ему напомнил пресс-секретарь баскских христианских демократов из БНП (5 мест) Айтор Эстебан, поддержка со стороны баскских или каталонских индпендентистских организаций означала бы автоматическую потерю поддержки “Вокс” (33 места), то есть ещё большее отдаление от кресла главы правительства.

В конечном счёте Фейхоо проиграл борьбу за премьерское кресло, но пока сумел сохранить за собой лидерство в НП и среди испанской правой, которая в последние годы пожрала многих своих лидеров и руководителей. Остановившийся на полпути между оппозицией и правительством галисиец надеется, что созреть трудности у его соперников.

Санчес и ЕС

По итогам второго круга консультаций с политическими силами, на которых из числа галисийских, каталонских и баскских партий присутствовала только БНП, король Филипп VI доверил социалисту Педро Санчесу инициативу сформировать альтернативное большинство. С точки зрения конституции, если король не найдёт

кандидата, который будет одобрен Конгрессом до 27 ноября, парламент будет автоматически распущен и выборы повторятся в январе.

Новое правительство Санчеса столкнётся с тяжёлыми испытаниями как во внешней проекции, так и во внутреннем политическом цикле. Октябрьские саммиты Европейского политического сообщества и Европейского совета в Гранаде, о которых мы написали в другой статье (см. “Франция и Германия за многоскоростную Европу” // Пролетарский интернационализм, № 110, ноябрь 2023 г.), предвосхитили некоторые из них.

В частности, что касается расширения ЕС, которое, так или иначе, будет иметь долгосрочный временной горизонт, Испания входит в число стран, требующих сперва углубления интеграции. И не только потому, что в случае расширения ЕС до Киева Испания превратится из нетто-получателя в нетто-донора европейских фондов, прежде всего Общей сельскохозяйственной политики и Фонда сплочения. По словам Ауреи Мольто, директора REDElcano при Королевском институте Элькано (испанском мозговом центре, связанном с основными министерствами, в том числе с МИ-Дом), это также политический вопрос. В интервью португальской газете *Diário de Notícias* она отмечает, что «Португалия и Испания находятся в весьма периферийном положении относительно ЕС и его внутреннего рынка [...], произойдёт смещение веса ЕС в сторону Востока, и в этой ситуации Иберийский полуостров, а также другие страны Юга, такие как Италия и Греция, должны гарантировать, что ЕС не забудет о своём южном измерении». Выбор в качестве места проведения саммитов гранадской Альгамбры, что располагается далеко на юге, напротив Северной Африки, похоже, учитывает это беспокойство.

Средний Восток

Редактор каталонской *La Vanguardia* Энрик Хулиана считает, что пожар на Среднем Востоке может перекинуться на площади всего Магриба и даже спровоцировать раскол между Израилем и Марокко, которое является стороной Соглашений Авраама, и «подтолкнуть Фронт Полсарио к расширению военной активности в Западной Сахаре при прямой или косвенной поддержке Алжира». Это мрачный сценарий для Мадрида, который значительно зависит как от Рабата – в сфере контроля над миграционными потоками на южной границе, – так и от Алжира, который обеспечивает значительную долю поставок газа, пусть и меньшую, чем в прошлом.

El Economista ставит акцент на потенциальном прямом влиянии войны в Газе на рынок углеводородов, что является «серьёзной угрозой» для испанской экономики, «более серьёзной, чем другие недавние конфликты, такие как война на Украине». С точки зрения Хулианы, нужно провести параллели с Войной Судного дня (1973) и последовавшим за ней нефтяным шоком, которые повлияли на время и формы испанского транзита от франкизма к демократии. Мы добавим, что в этом случае будет даже очевидна связь между последующим энергетическим шоком и временем и формами европейского энергетического перехода, который уже встречает активное внутреннее сопротивление.

Принимая во внимание эти страхи, выраженные прессой *истеблишмента*, можно лучше понять позицию испанского правительства, идущую в ногу с той, которой придерживается европейский комиссар Жозеп Боррель, в своё время министр иностранных дел под началом Санчеса. Мадрид осуждает атаку ХАМАС, однако требует от Израиля пропорциональности реакции и самоконтроля, поскольку в первую очередь опасается возможного шока, к которому привело бы расширение конфликта.

Аргентина

Ещё один удар может быть нанесён с другого берега Атлантики. 22 октября прошёл первый тур президентских выборов в Аргентине. На следующем голосовании 19 ноября столкнутся между собой перонист Серхио Масса (получил 36,7 % голосов), министр экономики в действующем правительстве Альберто Фернандеса, и Хавьер Милей (30 %), правый популист, который был тепло встречен “Вокс” и которого сравнивают с Трампом и Болсонару.

Как пишет *Financial Times*, Милей «пока позади» в плане политического опыта, а его партия “Свобода наступает” является молодой и не имеет территориальной базы власти. В условиях ограниченной парламентской поддержки – поскольку одновременно с президентскими выборами обновляется лишь половина состава в нижней палате и треть в Сенате – существует «риск тупика [который] отчасти объясняет, почему рынки переживают по поводу восхождения Милея» и предположили бы, чтобы в случае победы он сотрудничал с представительницей традиционного правого центра Патрисией Буллрич, финишировавшей на третьем месте в президентской гонке.

Восхождение нового политического цикла также и в Буэнос-Айресе, с одной стороны, подтверждает закон этого феномена, а с другой – переплетается и пересекается с почти непрерывными 20 годами правления перонистов, которые и сами внесли немалый вклад в развитие популизма и политического нарушения равновесия. Не в силах справиться с нарастающим кризисом цен, характерным для всего региона, аргентинское правительство позволило инфляции вырасти до одного из самых высоких уровней – 140 %, а стоимость песо резко упала. Курс “голубого доллара”, то есть цена доллара США на чёрном рынке, признанная индикатором состояния экономики, в течение года утроился.

Милей, который называет себя «ультралибералом» и «анархо-капиталистом», предлагает «долларизацию» экономики, ликвидацию центрального банка, радикальное снижение госрасходов и налогов, отказ от экологических норм для промышленности и сельского хозяйства и, в особенности, выход из блока МЕРКОСУР, в который входят также Бразилия, Парагвай и Уругвай.

Недавно и в Уругвае дискутировалась возможность «урексита» (аналогия с брекситом), вызванная в том числе недовольством задержкой ратификации договора ЕС – МЕРКОСУР. Таким образом, предотвращение победы Милея стало бы доброй вестью для бразильца Лулы и испанца Санчеса, поскольку оба инвестировали большой политический капитал в эти соглаше-

ния. Тем не менее в острых внутренних дискуссиях в Испании преобладают чисто внутренние вопросы, связанные с торгом за кресло премьера.

... и Каталония

Беспрецедентная встреча Санчеса с представителями левой баскской индпендентистской партии EH Bildu, включающей наследников террористической группы ЭТА, уже достаточно противоречива как для правой оппозиции, так и для более традиционалистских течений ИСРП. Однако большее значение политические игроки придают дискуссии о возможной «амнистии» каталонцев, на которую премьер, судя по всему, готов пойти.

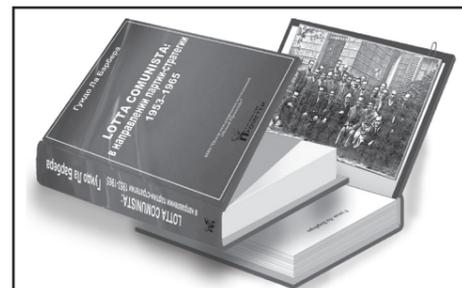
В то время, как пришли первые новости о сотнях погибших израильтян и палестинцев – тема сама по себе разделяющая политические силы по оси левые/правые, а также в противопоставлении “государственных” и “националистических” (периферийных) партий, – внимание было в первую очередь приковано к манифестации в Барселоне. Была созвана *Societat Civil Catalana*, которая объединила правые юнионистские партии, в особенности НП и “Вокс”, противников амнистии.

Как ни парадоксально, похоже, мощная оппозиция правых выгодна Санчесу, поскольку увеличивает значимость благоволения, которое он оказывает Барселоне. Однако две крупнейшие каталонские партии – Левые республиканцы и правая “Вместе за Каталонию” – поглощены соперничеством за первенство в индпендентизме, что толкает их занимать крайние позиции.

Таким образом, Барселона может стать ключом к новой *средиземноморской* коалиции, то есть коалиции, разбалансированной слева, с более явной ролью традиционной испанской децентрализации и внутренних территориальных динамик. Или же Испанию снова затянет в каталонский омут, из-за чего она будет вынуждена пережить очередную фазу тупика.

Так или иначе, учитывая сложный контекст, для решения политического уравнения *внешнее принуждение* навязжет высокий уровень евроатлантической дисциплины. Далеко не очевидно, что коалиция, которую пытается слепить Санчес, чтобы снова стать премьером, переживёт эти испытания.

Lotta comunista, октябрь 2023 г.

Гuido Ла Барбера

Lotta Comunista: в направлении партии-стратегии. 1953-1965

324 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник,
9 иллюстраций по тексту.
ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.

Мучительное рождение нового правительства Санчеса

179 голосами за при 171 голосе против Конгресс одобрил очередное назначение социалиста Педро Санчеса (Мадрид, 1972) на пост премьер-министра. Его поддержали восемь партий: ИСРП (121 место), слева от неё «Сумар» (31), сторонники каталонской независимости на правом фланге «Вместе за Каталонию» (JxCat) (7) и на левом фланге Левые республиканцы Каталонии (7), баски из EH Bildu и Баскской националистической партии (5), Галисийский националистический блок (1) и даже правоцентристская Канарская коалиция (1). Против проголосовали НП (137), «Вокс» (33) и Народный союз Наварры (1).

Новое большинство, в котором у левых меньше мест, чем при предыдущем правительстве, но больше политического веса, выдержало своё первое испытание назначением Санчеса. Судя по тому, как оно прошло, можно предвидеть серьёзные испытания, которые поставят под вопрос внутреннюю стабильность коалиции и её совместимость со внешним евро-атлантическим принуждением.

Сопrotивление Санчеса

Хроника последних месяцев в Испании могла бы стать новой главой в книге Санчеса 2019 года *Manual de Resistencia* – это политическая автобиография, в которой он с пафосом представляет себя фениксом, восставшим из пепла.

В 2011 году Санчес не был избран в Конгресс, но смог туда попасть в 2013-м, заменив ушедшего в отставку депутата. В 2014 году он с большим трудом выиграл праймериз в ИСРП. Восхождение «Подemos» усугубило его поражение на выборах 2015 года, после которых он сформировал альянс с либералами из «Сьюдаданос», но так и не добился назначения премьер-министром.

На очередных выборах в 2016 году он был отстранён от руководства партии, поскольку не дал своего согласия на назначение премьер-министром Мариано Рахоя из НП при воздержании социалистов, и ушёл с поста депутата.

В 2017 году он снова выступил на праймериз ИСРП, противопоставив себя истеблишменту партии, и сумел пробиться. Вскоре, после каталонского референдума о независимости, он поддержал применение Мариано Рахоем 155 статьи для приостановки действия каталонской автономии. В июне 2018 года он выдворил Рахоя с кресла премьер-министра в результате вотума недоверия, поддержанного 180 депутатами, в том числе индependентистами, и впервые сам занял этот пост.

Не сумев добиться принятия бюджета, он объявил выборы (апрель 2019), на которых не получил явного большинства. Следовательно, с одной стороны, он попытался добиться желаемого воздержания НП и «Сьюдаданос», а с другой – *geringonça*, то есть внешней поддержки со стороны «Подemos». Обе гипотезы провалились, и новые выборы (ноябрь 2019) ухудшили результаты ИСРП и «Подemos», которые создали левую коалицию – первую со времён Второй республики 1930-х годов. Благодаря 167 голосам «за» (ИСРП, «Подemos», БНП, ГНБ и др.) против 165 «против» (НП, «Вокс», «Сьюдаданос», JxCat, «Кандидатура народного единства», КК и др.) и при 18 воздер-

жавшихся (ЛРК, Bildu) Санчес вступил в должность 7 января 2020 года. В этот день Китай объявил о появлении нового вируса Covid-19.

За пандемией столетия последовало сложное восстановление. ЕС создал фонды «Next Generation EU», но не избежал энергетического шока, который коснулся и Испании. Мадрид также столкнулся с трудностями в отношениях с поставщиком газа Алжиром и его соперником Марокко, контролирующим миграционные потоки в направлении ЕС на сухопутной границе возле Сеуты и Мелильи. Всё это в условиях климата высокой напряжённости, который затруднил договорённости с НП и соратниками в правительстве, что вызвало ощущение правительства, находящегося в шаге от краха. В 2021 году Санчес помиловал каталонских политиков, отправленных в тюрьму в 2017 году, гарантировав относительно стабильную поддержку ЛРК на оставшуюся часть срока.

Амнистия Санчеса

В мае 2023 года, когда разворачивались последствия войны на Украине, Испания провела коммунальные и региональные выборы, на которых случился серьёзный проигрыш левых. Кое-кто накануне выборов уже предвещал политическую смерть Санчеса, ставя его в один ряд, например, с Пабло Касадо (бывший лидер НП), партией «Сьюдаданос» и Пабло Иглесиасом (бывший лидер «Подemos»). Однако Санчес застал врасплох союзников, и противников, наутро перенеся досрочные выборы на июль.

В электоральной кампании он дистанцировался от каталонцев: он отрицал, что те, кто ещё не предстал перед судом, как, например, бывший региональный президент Карлес Пучдемон, сбегавший в Брюссель в 2017 году, могут получить «амнистию». Санчес проиграл на выборах, на которых победила НП Альберто Нуньеса Фейхоо, однако последний, получив от короля Филиппа VI указание искать необходимую поддержку в Конгрессе, чтобы стать премьером, потерпел неудачу. Таким образом, король вернул это бремя Санчесу.

Фейхоо отверг соглашение между социалистами и НП, оставалась возможность сложных переговоров с баскскими и каталонскими индependентистами. Покуда Фейхоо старался заручиться поддержкой хотя бы баскских христианских демократов из БНП, не желая формировать блок с ультра-централистской «Вокс», распространилась гипотеза о готовности Санчеса к переговорам с JxCat, партией Пучдемона, не исключая амнистию.

Это дело весьма противоречивое, и не только с точки зрения его юридических последствий. Серьёзные уступки Каталонии и Стране Басков исторически всегда приводили к реакции других территорий. Адольфо Суарес, паромщик *транзита* от франкизма к демократии, лично заплатил за это. В начале 1980-х годов его карта *автономных сообществ* включала только баскские и каталонские провинции, максимум галисийские. Однако и другие, начиная с Андалусии, потребовали у Суареса *своей доли* и *café para todos*¹, тщетное сопротивление которого

было причиной политического восхождения бывшего франкиста.

Соглашения Санчеса

Соглашения, подписанные ИСРП с JxCat, ЛРК и БНП, включают широкие политические и налоговые уступки, что само по себе вызывает враждебность других территорий.

Закон об амнистии был включён в соглашение с каталонцами, но не только. В договорённости с БНП и JxCat речь шла о «национальном признании» Страны Басков и Каталонии. Принятые в форме закона, они означали бы исторический шаг в многовековом вопросе. Неслучайно, что договор с JxCat цитирует Декреты Нуэва-Планиа Филиппа V от 1716 года, согласно которым, после провала индependентистской попытки Каталонии (1714) в Войне за испанское наследство были «ликвидированы вековые законы и институты Каталонии».

Всё это породило гневные реакции. Много вечеров перед центральным офисом ИСРП в Мадриде проводились манифестации, среди которых особенно выделялись экстремисты справа, фалангисты и карлисты (доконституционные монархисты), кричавшие оскорбления в адрес Санчеса, конституции и короля. «Вокс» осудила «государственный переворот», осуществлённый премьером, и потребовала от полиции и судебной власти заблокировать его назначение.

НП провела многочисленные инициативы в 52 испанских городах (более 400 тыс. манифестантов в целом, согласно территориальным делегациям центрального правительства) и выступила оппозицией по всем фронтам, от юридического до политического (в особенности в Сенате, где она располагала абсолютным большинством), и даже поднялась до европейского уровня, потребовав вмешательства институтов ЕС.

В ИСРП тоже слышались критические или открыто отвергающие амнистию голоса, например, Фелипе Гонсалеса и президента Кастилии-ла-Манча Эмильяно Гарсия-Паж; аналогично в экономическом и государственном истеблишменте.

Отчасти, согласно *The Economist*, это понятная реакция тех, кто видит крах очередной возможности победить соперника: «Их гнев настолько силён, потому что сохранение власти у Санчеса [...] кажется отныне гарантированным». Вероятно, разочарование было усилено в связи с событием, которое теоретически должно было ослабить испанского премьера: внезапный конец португальского правительства социалиста Антониу Кошты, «энергичного соратника Санчеса в ЕС», как его назвала правая газета *El Mundo*. Наконец, скандал вокруг возможной коррупции в секторе возобновляемой энергетики стал смертельным ударом для одного из редких одноцветных европейских правительств с твёрдым парламентским большинством. Напротив, ИСРП Санчеса, имеющая треть депутатов в испанском Конгрессе, удерживает власть.

Амнистия «для всех»?

Стоит задаться вопросом, возможно ли предоставить амнистию, чтобы закрыть цикл индependентистских процессов, без двухпартийного соглашения, которое включит также НП, или как минимум территориального дого-

вора, который включит другие регионы, в большинстве которых у власти находится эта партия?

В принципе Фейхоо предупредил Санчеса, что «история его не амнистирует» за его уступки сецессионистам. По мнению главной газеты истеблишмента *El País*, примером компромисса может быть прощение 15 млрд евро, или 20 %, каталонского регионального долга, включённое в соглашение с ЛРК. Это вызвало протесты регионов, которые «могут надеяться на подобные блага»: «как это часто бывало в нашей демократии, двустороннее соглашение становится «café per todos»¹. Например, Канарская коалиция, которая поддержала также премьерство Фейхоо и по-прежнему выступает против амнистии, вошла в коалицию большинства в обмен на план инвестиций и субсидий на архипелаге. Партию можно считать «канарейкой в шахте», которая указывает на присутствие пространства для перекрёстного соглашения.

Таким же образом соглашение между ИСРП и НП по поводу одного из фундаментальных узлов испанского государства – парламентской монархии – было отмечено в официальном акте присяги принцессе Леонор, достигшей совершеннолетия в конце октября. В своей речи перед парламентом Леонор напомнила, «что символизирует и представляет монархию – единство и постоянство Испании». Индependентисты не присутствовали на церемонии, но и не выступили с анти-бурбонскими лозунгами.

Со страниц каталонской газеты *La Vanguardia* Фернандо Онега, ветеран испанской журналистики, пресс-секретарь Суареса во время *транзита*, задаётся вопросом, могут ли индependентисты «амнистировать *Ego Velichestvo*» посредством политического жеста признания. Стоит отметить, что закон об амнистии может быть применён только после того, как его подпишет Филипп VI.

Испытания для Санчеса

Безусловно, поляризация между центром и периферией и жёсткость правовых помощи сформировать новое большинство, однако его ограниченное пространство для манёвра вынуждает искать нормализации отношений с оппозицией и регионами, чтобы встретить испытания, которые показываются на границах европейского империализма.

«От Газы до Украины: войн и кризисов становится всё больше», – отмечает *The Economist*, и вместе с тем растёт «чувство беспорядка», которое не только возмущает газету крупной британской буржуазии, но и отразится на социальном теле европейской метрополии. Мадрид, Барселона, Бильбао, Севилья тоже получат *свою долю*. Это будут настоящие испытания для новой парламентской базы правительства Санчеса.

Lotta comunista, ноябрь 2023 г.

1 – Популярное в Испании выражение, означающее предложение равного отношения ко всем сторонам, участвующим в решении какого-либо вопроса, чтобы угодить (или не угодить) всем в равной степени.